

Алеет восток

Автор:

Владислав Савин

Алеет восток

Владислав Олегович Савин

Военная фантастика Морской волк #14

«Алеет восток» – продолжение цикла «Морской волк», истории с попаданием в 1942 год атомной подлодки «Воронеж». «У России часто получалось выигрывать войны, но гораздо реже удавалось выиграть мир». После Победы, случившейся в этом мире в 1944 году, прошло шесть лет. В этом мире не будет Корейской войны, так как есть только одна Корея – КНДР. Но в 1950 году еще продолжается война в Китае – причем и Мао, и Чан Кай Ши, и, конечно, США, точат зубы на Советскую Маньчжурию. Здесь не успели вырасти атомные грибы над Хиросимой и Нагасаки – и первые атомные бомбы будут сброшены на Китай. Вот только у СССР есть чем достойно ответить!

Влад Савин

Морской волк. Алеет восток

© Влад Савин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Благодарю за помощь:

Толстого Владислава Игоревича – позволившего мне использовать в тексте переработанные отрывки из его романов с Самиздата.

Сухорукова Андрея – за очень ценные консультации по истории авиации.

Шопина Василия.

Товарища Н. Ш. – он знает, за что.

А также читателей форума Самиздат под никами Old_Kaa, omikron, HeleneS, Библиотекарь и других – без советов которых, очень может быть, не было бы книги. И конечно же Бориса Александровича Царегородцева, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Также благодарю и посвящаю эту книгу своей жене Татьяне и дочери Наталье, которые не только терпимо относятся к моему занятию, но и приняли самое активное участие в создании образов Ани и Люции.

Из сообщения ТАСС. 25 июня 1950 г.

В Китае продолжаются упорные бои за город Чжэн-джоу – важный опорный пункт на рубеже Особого Коммунистического района. Многочисленные попытки воинства Чан Кай Ши прорвать оборону Народно-освободительной армии Китая успеха не имели. Бойцы НОАК показывают в сражении высокое мужество и героизм, на поле боя остались груды трупов белокитайских бандитов и десятки сожжённых танков «шерман» – не помогло гоминьдановцам и американское оружие, которыми США щедро снабжают своих марионеток.

Валентин Кунцевич, он же «Скунс»

На перроне Ярославского вокзала навстречу попался офицерский патруль. Остановил, проверил документы. И надоевший уже вопрос:

– Товарищ подполковник, отчего вы не по форме одеты?

Валентин не спеша (время до отхода поезда еще есть) расстегнул кожаную куртку без знаков различия. Старший патруля, капитан, был опытен – увидев петлицы, подобрался, готовясь отдать честь. Но порядок есть порядок.

– Вот «жетон», смотри! Вообще-то, металлические пластины с выгравированным номером были у немцев – у нас же, удостоверение с фотографией, как положено, но вот название прилепилось.

Капитан тихо спросил:

– Не последует каких распоряжений?

– Да нет, просто еду по делам службы.

– Тогда – счастливого пути!

В купе уже сидели двое. Целый генерал-майор, танкист, с Золотой Звездой – и что любопытно, в его «иконостасе» среди прочих была черно-желтая ленточка «Нахимова» второй степени, это как сухопутчик флотскую награду умудрился получить? И подполковник-летчик, тоже со Звездой, и, судя по погонам, свой брат, из морской авиации. С попутчиками повезло – было бы хуже, если бы оказался вполне заслуженный профессор, страдающий недержанием речи, или офицер с молодой женой, везущий свою законную половинку к месту службы, и время от времени просящий: «Мужики, ну вы бы покурили пока в коридоре?» Или просто штафирка, перед которым язык не развязать, как перед своими, просто не поймет. Потерпеть, конечно, можно, мы привычные, уж на чем только не ездили, чего не видели в войну, – но медицина утверждает, что нервные клетки не восстанавливаются, так зачем излишне жечь «моторесурс» своего организма? И долго нам ехать вместе, в скором поезде Москва – Владивосток, уж такая наша страна большая – есть, конечно, вероятность, что попутчики сойдут раньше, а взамен посадят других, но невелика. С учетом того, что творилось на Дальнем Востоке, пока, слава богу, по ту сторону границы – люди в погонах сейчас в подавляющем большинстве случаев едут до прифронтовой зоны, а не до тыловых округов. А уж моряку, пусть и летающему, тем более нечего делать ближе конечного пункта.

Странно, что попутчики повели себя нарочито официально. Фронтовики же – у которых однозначно в подобной ситуации без чинов! Или они меня за кого-то приняли... черт, так танкист же на перроне был, когда я с патрулем разбирался, вспомнил его! Эх, капитан, а ведь прав ты оказался – ну что стоило обычный мундир надеть, с общевойсковыми погонами, нет, пофорсить решил, как на полевой форме все еще петлицы положены, с «пилой», кубарями, шпалами (ромбов и звезд нет – генералы в атаку не ходят), ну просто не видно погон под разгрузкой или саперным бронником – так у фронтовиков шиком считается и на повседневную форму петлицы вместо погон, в гарнизонах на это сквозь пальцы смотрят, а в Москве извините! Но написано в документе, который я вторым показывал, «имеет право предъявить удостоверение на любое имя, носить любую форму одежды, владеть любым личным оружием», то есть я мог бы сюда хоть с пулеметом МG-42 заявиться, и это было бы законно, патруль так же под козырек брал – или пулемет уже бы личным оружием не считался? Осназ же всегда был как «фронтовики среди фронтовиков», вот и нацепил гимнастерку со «шпалами», сверху летчицкий кожан, все равно не видно, но танкист, видать, уже сталкивался с нашей Конторой и о наших правах знает, и хватило ума сложить два и два, раз патруль, увидев такое нарушение порядка, передо мной едва не тянулся.

– Товарищ подполковник, разрешите вопрос, – произнес танкист, – я думал, вашему ведомству воздушным путем положено, так оно быстрее?

Валентин полностью расстегнул «молнию» кожанки, показав свой иконостас, и две Золотые Звезды поверх. Летчик уважительно присвистнул. Танкист промолчал.

– Вношу ясность, – сказал Валентин, – все это получено за дело. Ни одной «парадной» нет. Работал исключительно по врагу внешнему. Начинал в «песцах», продолжил в «бойцовых котлах», а в сорок пятом и позже был «бобром иркутским». Если вам, товарищи офицеры, охота до Владика разыгрывать сцену царских времен «армейцы в компании голубого мундира», ради бога. Только вот ты, подполковник, подумай – кто тебя с той стороны вытаскивать будет, если не дай бог, собьют?

– Я тебя точно где-то видел, – ответил летчик. – А, вспомнил! Петропавловск, май сорок пятого, перед самым началом. Два «дугласа», в одном комфлота летел, а в другом ваша гоп-компания, ты старший. Разгружались, сами все оружием увешаны, и еще какие-то тюки. А наша эскадрилья вас сопровождала. Было?

– Было, – сказал Валентин, – это мы, «бобры», тогда на Камчатку и прибыли. Осназ Тихоокеанского флота, были приданы куниковской бригаде, Второй Гвардейской, вместе с ней ходили на Курилы.

– Две ленточки у вас интересные, – заметил летчик. – Италия? Я же черноморец, Шестой гвардейский истребительный, мы над Специей дрались второго апреля сорок четвертого. Ну а после – вся Средиземноморская эскадра наслышана была, кого в Риме награждали и за что. «Песцы» – осназ Северного флота. Это что ж, выходит – вы бесноватого тогда живым притащили? Которого целый полк эсэс охранял.

– Мы, – кивнул Валентин, – только там еще и итальянские товарищи были, и даже немецкие поучаствовали, ну просто интернационал.

– И сам Смоленцев командиром? – спросил летчик. – Тогда уважаю! Да и на Дальнем Востоке, выходит, мы рядом были – в сорок пятом с Сахалина летали, но над Итурупом, Урупом и Кунаширом работали плотно. Жарко там было – успел Гитлер самураям «фоки» поставить, в воздухе гораздо сильнее, чем «зеро» и прочие японцы.

– И я со Смоленцевым встречался, – сказал танкист, – перед Берлином, на командирских сборах, он нам основы противодиверсионной обороны читал. Ждали, что в фашистской столице, из каждой подворотни и из каждого канализационного люка «вервольфы» полезут, про наших партизан и подполье мы были наслышаны – думали, что и у немцев так же будет, тем более что Геббельс грозил. А вот не помню такого!

– Так немцы же, – ответил Валентин, – ну когда в истории у них партизаны были? У них орднунг – чтоб все было дозволено и приказано. Вот в каком государстве видано, чтобы одновременно имелось – считайте! – полиция обычная, как наши участковые или постовые. Сельская полиция, именуемая жандармерией. Военная полиция – фельджандармы. Дорожная полиция – исключительно по части охраны их автобанов, для регулировки дорожного движения и отлова нарушителей есть еще одна полиция, отдельная! Еще водная полиция, железнодорожная полиция, почтовая полиция, воздушная полиция, фабричная полиция, портовая полиция, лесная полиция (проверка соблюдения правил охоты, а также порядка сбора хвороста, дикорастущих плодов, грибов и ягод), радиополиция (пресечение незаконного слушания населением иностранных

радиопередач). Это я перечислил, что у них до Гитлера было, без гестапо и СД. Ну и какая психология будет у народа, когда давно и накрепко усвоено, шаг в сторону без дозволения, и тебя тут же полицей за шкирятник? Кстати, японцы в этом отношении на них похожи.

– А китайцы? – спросил летчик.

– А у них наоборот, – усмехнулся Валентин, – хотя буча у них идет с 1911 года, воевать не умеют совершенно! Довелось мне однажды видеть в Уйгурии (не будем уточнять, как я туда попал) один такой гарнизон, где солдаты наследственные в четырех поколениях! Деды лет в семьдесят – сержанты и ефрейторы, или как это у китайцев называется. Их дети и внуки – рядовой состав. Ну а правнуки на побегушках и в услужении у господ офицеров. Когда казенное довольствие получали, не помнят уже, живут огородами, разведенными под боком. Вооружение, пушки времен нашей Шипки и Плевны, и ружья того же возраста, вроде берданок. Такое вот сонное царство было – пока мы с фрицами дрались, а самураи Китай кровью заливали. Гоминьдановское воинство от этой картины мало отличается, в плане организации и дисциплины. У Красной Армии Мао хоть боевой дух повыше – в общем, ситуация как у нас в Гражданскую, за трудовой народ сражаться, или неизвестно за что? А вот банд там, как блох на дворняге, и это тоже у них наследственное, в смуту, какие в Китае бывали часто, жить грабежом с большой дороги, а если таковая смута вызвана иноземным вторжением, то вовсе не разбирать своих и чужих. В Маньчжурии мы эту заразу повывели за пять лет, а в прочем Китае всяких там «зеленых», наверное, побольше, чем «красных» и «белых», вместе взятых, будет.

Прогудел паровоз. Валентин озабоченно взглянул на часы. За окном перрон медленно поплыл назад – и дверь купе открылась, впуская молодого старлея с солдатским «сидором».

– Ты когда армейскому порядку научишься, чудо в перьях? – сказал Валентин. – Где болтался, туды твою в качель? Понимаю, что вы люди творческие, товар особый, – но до дембеля потерпи, порядок нарушать? Сколько можно тебя из комендатуры вытаскивать? Ладно, располагайся. Товарищи, прошу любить и жаловать, переводчик с английского, японского, а теперь и китайского, и будущая звезда нашей литературы, старший лейтенант Аркадий Стругацкий. Несмотря на молодость, каковой недостаток относится к разряду быстропроходящих, успел зарекомендовать себя с лучшей стороны, удостоившись чести быть переводчиком нашей делегации при подписании

капитуляции Японии. И вообще, я без него как без рук – по-немецки могу, по-английски, даже по-испански еще что-то помню, но вот китайская грамота для меня абсолютно темный лес. Как будет «хэнде хох», выучил, и по-японски, и по-кантонски, и по-мандарински, а вот что посложнее – не осилил. Про письменность и не говорю – иероглифы! Японцы для простоты придумали азбуку, даже две. Но они – те же иероглифы.... Сам Смоленцев, впрочем, тоже европейских четыре языка знает, но ни по-китайски, ни по-японски не умеет – и вот своего личного переводчика мне временно уступил, по службе.

И как я танкиста не узнал, подумал Валентин. Слышал ведь эту историю, от самого Адмирала – бой у Маоки, самоходно-артиллерийский полк против японского крейсера, за что командир, тогда еще подполковник Цветаев Максим Петрович, единственный в Советской Армии получил флотский орден, чего сухопутчики даже за десанты не удостоивались – так ведь по чести, за участие в морском бою! И с летчиком мог пересекаться, фамилия приметная, Гриб, имя Михаил, как у нашего Адмирала, а по отчеству, кажется, Иванович – слышал я ее, когда мы весной сорок четвертого в Специи стояли. Неужели память уже подводит – или просто столько лет прошло?

Целая пятилетка минула с Победы. Успешно восстанавливаем народное хозяйство, карточки отменили в сорок седьмом, цены на товары для народа снижают ежегодно, 1 апреля. И сидит в Кремле Сталин Иосиф Виссарионович, живее всех живых, и дай бог ему многие лета, подольше, чем до марта пятьдесят третьего. По крайней мере, не было у него инсульта, как там в сорок девятом, курить бросил, за здоровьем следит. А еще хорошо знает, к чему приведут СССР его наследники. История перевела стрелку... или все еще нет?

Там, в иной версии истории, в этот день началась Корейская война. Ну а здесь – вспомнилась фраза из фильма, который смотрел, кажется, уже бесконечно давно, «батюшка-царь, так Казань мы уже взяли!». Фильм, кстати, на экраны здесь так и не вышел – сочли, что после «Ивана Грозного» неудобно, пусть пару лет пройдет. Хотя по мне, лучше бы «Ивана Васильевича» сняли, чем эйзенштейновский шедевр, – вот прицепилось же к нашей службе прозвище «опричники», хотя формально мы к госбезопасности отношения не имеем (но их «корочками» для прикрытия пользуемся). Нет здесь двух Корей, мы ее всю освобождали, не деля ни с кем по 38-й параллели. И строит сейчас в ней социализм некий товарищ с русскими корнями, – а вот в Китае воюют до сих пор, и конца не видно. Хорошо, в этой истории из Маньчжурии мы так и не ушли, процесс замотав. К великому неудовольствию товарища Мао – и ведь к

американцам тоже хотел переметнуться, сволочь, переговоры вел, знаем точно! Но не сложилось – слишком много США вложили в Чан Кай Ши. А вдвоем этим фигурам в отдельно взятом Китае не ужиться никак! Да и без масштабной советской помощи и маньчжурской промышленной базы Мао стал гораздо слабее, чем в той ветви истории. И возник соблазн у гоминьдановцев, зачем договариваться, если можно уничтожить? Чем и занимаются четыре года – война до последнего китайца.

За беседой не забывали и о насущном, расстелили на столике газету, стали доставать свои запасы. Рисунок на газетном листе – как в Гражданскую были «Окна РОСТА», так в эту войну и сейчас «Окна ТАСС». Это кто ж китайских товарищей в буденовках изобразил – с плакатно-мужественными лицами, отбиваются от лезущих со всех сторон мелких и раскосых тварей самого гнусного вида. Художник – еще реликт той эпохи, или хотел преемственность показать? Интересное сейчас время – когда живы еще романтики мировой революции, которые мечтали:

Нам снились папуасы на тачанках,

В буденовках зулусы и в кожанках.

А с другой стороны, вот будущая звезда советской литературы напротив сидит – кто напишет «Трудно быть богом», «Обитаемый остров» и еще много из того, чем зачитываться будут наши люди и в конце века. Под конец, правда, братцы сильно сдали и ударились в диссидентщину – последние их вещи с таким иносказанием и подтекстом, что можно голову свернуть, прежде чем поймешь. Так в той истории Аркадий Стругацкий о своей военной службе вспоминал как о «потерянных годах» у черта на куличках, сначала Канск, затем вообще Камчатка – здесь же ему, как попавшему в Особый список, жизнь устроили гораздо более насыщенную и интересную, одно лишь наше общество, людей из двадцать первого века (о чем Стругацкий, ясное дело, не догадывается), чего стоит! Так что очень надеюсь, станет его мировоззрение несколько иным, со всеми вытекающими отсюда последствиями для будущих книг!

– А простите, това... Валентин, если не секрет, ваша первая звездочка за что? – спрашивает Цветаев, – Не с Ленфронта случайно. Невский пятачок, Восьмая ГРЭС? У меня знакомый один в сорок пятом был в «бронегрызах», 10-я ШИСБр, а в сорок втором со Смоленцевым начинал – рассказывал, как Мгу брали.

Ну да, было, плыли мы тогда через Неву. Подводный спецназ, боевые пловцы, до нас уже были, – но работать могли лишь у уреза воды, а мы умели, на берег вышли, и как полноценная диверсгруппа. В тот раз мы дорогу расчищали десанту, как и позже на Днепре. Но Звезда – не за это. А за что – ты уж извини, я подписку давал.

«И не расскажу я о том никому и никогда, – подумал Валентин, – про ночной абордаж в Атлантике, как девятеро нас, пришельцев из двадцать первого века, и двадцать осназовцев из этих времен, брали уран для “Манхеттена”, попавший в итоге к Курчатову на “Второй Арсенал”. Операция “Полынь-3”, с грифом “хранить тайну вечно”. Тогда все свалили на немцев, и штатовцы поверили – сейчас вроде начинают что-то подозревать, но подозрения к делу не пришьешь, а точно знать они не будут никогда. За то дело дали Героя, всем участникам. И нашему отцу-командиру, который сейчас в Наркомате ВМФ сидит, высоко взлетел!»

– Понятненько, – усмехнулся танкист, – усё понимаем. Армейский телеграф, как с ним ни борись, все знает. Что у нас с союзничками уже тогда не все гладко было – мир, водка, ленд-лиз. Не против же фрицев – какие тут секреты сейчас?

А если понимаешь, так молчи! Тут даже не обязательно вражьи уши рядом – выйдет, как у Пушкина, «не сказала никому, кроме как попадье – и через неделю все уже всё знали». Удивляюсь я, как такими манером про нашу главную тайну не выплыло еще – про то, что случилось восемь лет назад по здешнему времени, 3 июля 1942 года. Когда неведомый науке закон природы, или «зеленые человечки», или наши потомки из далеких времен, или хоть сам господь бог, если он есть, решили стрелку истории перевести на другой путь.

Девятеро нас было, группа подводного спецназа СФ из 2012 года. Семеро остались – Андрюха Каменцев под Берлином погиб, а второй Андрей, Кулыгин, в Маньчжурии в сорок пятом. В этой истории война с Гитлером завершилась в сорок четвертом – и Германия наша вся, встреча с союзниками не на Эльбе, а на Рейне была. И еще народная Италия тоже в числе соцстран, и Австрия, и Греция. Рассказывать о том, как изменилась история, можно долго[1 - О том см. предыдущие книги цикла «Морской Волк». – Здесь и далее примеч. автора.], меня же лично больше занимает вопрос – а Главную Стрелку в истории мы перевели? Или все так по-старому и пойдет?

Читал я еще в той, прошлой жизни «альтернативную фантастику», Анисимов, «Вариант Бис». Мир вымышленный, а похож на тот, что здесь получился – тоже конец войны в сорок четвертом, и Германия вся под нами; морские сражения показаны очень эпично, что было бы, сумей СССР построить Большой Флот? Вот только в конце то же самое – развал Союза, и те же проклятые девяностые, и разгул демократии с капитализмом, и «рюски оккупант», – так за что боролись, черт возьми? Плевать мне по большому счету, что там в Китае или еще где – важно, для моей страны и народа, чтобы лучше было в этот раз, чем в той попытке! Войну мы выиграли, с лучшим итогом – так надо его конвертировать в лучший мир, чтобы я, если до девяносто первого тут доживу (а отчего бы нет – на здоровье пока не жалуюсь, если только не убьют), увидел СССР живой и процветающий.

А за окном убегает назад мирный среднерусский пейзаж под стук колес. Скорость привычна уже, – а поначалу, как в это время попали, медленной казалась. В двадцать первом веке поезд от Москвы до Владивостока шесть с чем-то суток шел – здесь же пятнадцать дней. Правда, нам с Аркадием раньше сойти надо, в Харбине. Да и Максиму Петровичу тоже, ну а Михаил Иванович до Владика едет. У летчика в столице по службе были дела, а Цветаев из отпуска возвращается, через Москву (лишь отсюда идут поезда до Владивостока), причем успел и у себя дома, на Тамбовщине побывать, и в Питере, где у него то ли дальняя родня жила, то ли хорошие знакомые... ну мы все понимаем, сам не женат пока! А ведь пора бы, тридцатник разменял уже. Но война не отпускает, не каждый день, но каждый год здесь живу как последний – в смысле, совершенно не планируя, что будет через большой срок.

Что было тут уже после Победы? Год сорок шестой – Иранский конфликт. Началось с мятежа Насыр-хана, когда кашкайские племена (родственные туркам) атаковали советские гарнизоны (при том, что наш контингент в Иране был уже сильно сокращен). Одновременно часть курдских племен с турецкой территории напали на «наших» курдов вождя Барзани, при активной помощи регулярной турецкой армии – причем и в рядах кашкайцев тоже обнаружились турецкие советники и «добровольцы». А после турки влезли в войну открыто и внаглую – президент Иненю, он же Исмет-паша, дураком не был, но, видать, сильно прижали его собственные экстремисты «вернем Проливы и Армению», в этой реальности отторгнутые у Турции по итогам войны. И поверил Иненю в то, во что хотел поверить, в гарантии от США и Англии оказания немедленной помощи в случае «советского вторжения», – но джентльмен всегда хозяин своего слова, и после «немедленная помощь» трансформировалась в «немедленное решительное осуждение действий СССР». Ну осуждайте, коль

охота, – а Турцию от расправы спасла лишь ее быстрая капитуляция, всего семь дней длилась та война, в основном сведшаяся к избиению турецкого экспедиционного корпуса в Иране, – ну и Советский Союз тоже не был заинтересован влезать в «афган» с занятием территории, лови потом моджахедов по горам, а ресурсов существенно меньше, чем в восьмидесятых. Причем англичане (с участием и американцев) умудрились и тут отметиться в «наведении порядка» в своей зоне, то есть в геноциде злосчастных кашкайцев... а ведь если бы мы не справились так быстро, то вполне могли бывшие союзники и вторгнуться на север! И в Китае полыхнуло сразу после того – ждали, что мы в Иране и Турции увязнем?

«Мы ждали, что это будет, как Корея там, – подумал Валентин, – или как у нас Гражданская: “красные”, которые наши, “белые”, враги и американские марионетки, линия фронта, героизм бойцов на передовой и тружеников в тылу, советская интернациональная помощь, противостоящая мировому империализму. Но Корея все же была единым государством, когда там все началось – и относительно небольшим. А у нас даже в восемнадцатом народ еще не успел окончательно озвереть, и экономика развалиться, да и общий культурно-образовательный уровень был повыше. В Китае же – вы можете представить страну с полумиллиардом населения, где война – и с внешним врагом, и гражданская, и грызня правителей провинций, и банальный бандитизм, разросшийся до размеров полномасштабной войны – идет, то угасая, то разгораясь вновь, уже сорок лет!»

А наши люди, читая газеты, верят, что там, как у нас в «боевой восемнадцатый год», ведь те, кто помнят его вживую, еще не совсем стары, а кто-то и в строю, как Буденный с Ворошиловым. И кажется нам, что Мао это как товарищ Ленин или Сталин, только узкоглазый и черноволосый, китайская Красная Армия это Красная Армия и есть, ну а Чан Кай Ши это китайский Колчак или Деникин, за которым американские интервенты. А раз мы победили тогда, то конечно, «наши» победят и сейчас, ведь мы же поможем – как же можно не помочь своим братьям, тем более что трехмиллионное воинство Чан Кай Ши до зубов вооружено американским оружием и техникой, одних лишь танков ему подарили несколько тысяч (цифра называлась от двух до десяти). И против этой бронированной орды наши товарищи китайские коммунисты, с одними винтовками, и то не у всех!

Положим, уже у всех – что бы в газетах ни писали. Это сорок пятом, в самом начале было, идет батальон НОАК, и у половины бамбуковые палки, в ожидании,

что когда убьют товарища, взять его винтовку и патроны. Теперь мы им подкинули, из японских трофеев, в сорок пятом нам «арисак» досталось, деть некуда, а еще с царских времен лежат, тоже в Китай ушли[2 - Реально: последние «арисаки», из числа 820 тыс. закупленных царским правительством, лежали на складах мобзапаса Прикарпатского ВО, затем армии самостийной Украины, до 1993 года.]. Но вот давать что-то более сложное тем, кто за свою жизнь не видел механизма сложнее мотыги – это напрасно переводить материал. Как и на той стороне – десять тысяч танков «шерман» в гоминьдановской армии, ну-ну, если бы американцы были такими дураками! Это полсотни танковых дивизий – сформировать их за пару лет с нуля даже немцам было бы непосильной задачей! Но для пропаганды – в самый раз!

А Стругацкий уже освоился! С жаром объясняет что-то старшим по званию. Впрочем, несмотря на погоны и шесть лет службы, интеллигентом он был и остался. Ну и не надо ему другое – вот закончится эта война, уйдет на дембель, а все ж интересно, какие романы он здесь напишет, если послужить ему пришлось не канцеляристом в тыловом отделе, а сначала при нашем Адмирале, а затем обслуживать «иркутских бобров».

Отчего бобры иркутские? А поинтересуйтесь историей герба этого славного города, средоточия сибирской культуры (без кавычек). Бабр это тигр по-тюркски. Вот только царские чиновники этого не знали и утвердили в геральдическом указе «бобра, держащего в зубах червленого соболя». Представляю, как материли столичных иркутские, – но поскольку государев указ надо было исполнять, то на гербе возник диковинный зверь, телом и мордой как тигр, но угольно-черный, с бобровым хвостом и перепончатыми лапами. Как заметил Адмирал, идеальная амфибийная боевая единица, подплывающая ночью и нападающая из воды – сказал в шутку, а метко; так и появилось у тихоокеанского подводного спецназа неофициальное имя (как «песцы» у североморцев и «бойцовые коты» у черноморцев) и собственный тотем. Организовали в сорок пятом, перед самым началом японской войны, и уже успели натворить немало славных дел и во время оной, и после, но это история отдельная. Так о чем там Стругацкий вещует?

– Чем китайцы от нас отличаются, да и вообще от других наций? Ну вот у нас, при всем уважении к труженикам тыла, военные в большем почете, тем более во время войны.

– А как иначе? – удивился летчик. – Защитники Отечества в любой нормальной стране должны быть уважаемы! Иначе – это, кажется, Наполеон сказал, не хочешь добровольно кормить свою армию, будешь против воли кормить чужую?

Эх, Герой Советского Союза, подполковник Гриб Михаил Иванович, не жил ты в иное, поганое время! В котором, я помню, какая-то морда в телеящике, Касьянов, Каспаров, Немцов или еще какой-то «демократ» с придыханием призывал «сократить армию и военные расходы до минимально необходимых – чем кормить ораву вооруженных дармоедов, гораздо эффективнее будет включиться в международную договорную систему обеспечения безопасности, как весь цивилизованный мир». То есть, если перевести на русский, пусть за безопасность нашей страны отвечает чужая вооруженная сила по какому-то договору – поскольку без силового подкрепления никакой договор и бумажки не стоит, на которой написан. Слава богу, в 2012 году начали что-то исправлять, – а как там дальше пошло?

– А в Китае не так! – отвечает Стругацкий. – Там было принято, что чиновник выше военного. Слышали, наверное, их правило, «из хорошего железа не делают гвоздей, из достойных людей солдат». Для внутрикитайских войнушек хватало, а единственным серьезным внешним врагом Китая были степные кочевники – хунны, тюрки, манджуры, монголы. И чтобы с ними воевать, китайцы не придумали ничего лучше, чем в своих традициях, брать на службу степняков же, целыми племенами и народностями, пограничной конной армией, ну как у нас казаки были. А чтобы этих чужаков в свою, китайскую власть не пустить, придумали такой порядок. В Китае ведь формально никакого дворянства не было – чиновником мог стать кто угодно, если экзамен сдаст. Трех степеней – первый, можешь занимать место в уезде, второй, в губернии, ну а третий, в столице при дворе. Вот только для этого надо было как минимум грамотным быть – так что простонародье сразу отсеивалось. Конечно, в Китае и крестьянин вполне мог уметь читать и писать, но тут требовалось очень хорошо знать литературу. И одних иероглифов выучить, наверное, несколько тысяч.

– А литература тут при чем? – спросил танкист. – Или они в управленцы одних писателей брали? Чтобы доклады во двор стихами писать, как это, трехстишиями, у японцев?

– Нет, вы что! Просто в Китае «литературой» называлось не то, что у нас – не только художественная, а вообще все, что записано, включая науку и юриспруденцию. А экзамен сводился к тому, что бралась цитата из Конфуция

или еще какого-то авторитета и надо было ее развить, применительно к чему-то. Причем в строго утвержденном числе иероглифов, ни одним больше и ни одним меньше. Это при том, что у китайцев каждый иероглиф – слово. Сосчитали, что в языке Пушкина или Шекспира порядка двадцати-тридцати тысяч слов, обычно же человек в повседневной жизни пользуется тремя-четырьмя тысячами. Вот и прикиньте, сколько надо было знатоку китайской грамоты заучить – и писать иероглифами много труднее, чем буквами. То, что у нас помарка – линия чуть длиннее или крючок не так изогнут, – у них радикально меняет смысл слова и всего предложения. Лев Толстой все европейские языки знал, но когда он в 1905-м пытался выучить японский, то тоже иероглифы не осилил.

– А ты как? – уважительно спросил танкист. – Я сам на гражданке учителем в школе был. И японский, и китайский – долго учил?

– Так иероглифы в основном одинаковы у всех, – ответил Стругацкий, – японцы и корейцы ведь у китайцев письмо переняли! Есть, конечно, дополнения, введенные в Японии уже после заимствования, но их мало. Произношение разнится сильно – а написание общее, ну у японцев еще хиракана с катаканой, слоговые азбуки, используются как самостоятельно, так и с иероглифами вместе, поскольку у китайцев в языке нет склонений, спряжений, падежей, даже времен и родов, а у японцев все это есть, тогда к корню-иероглифу приписывают азбукой суффикс или приставку. А в целом, как привыкнуть, то ничего сложного – вот вы, как артиллерист, в баллистике разбираетесь, а для меня это мучение было, уравнения решать.

– Уравнения это у гаубичников, – ответил Цветаев, – а у нас, самоходчиков, таблицы и линейная интерполяция, по-простому – устный счёт. Стрелять надо быстро и точно, это да. Боекомплект ограничен, пристрелка – роскошь, промедление, когда «тигр» на тебя башню поворачивает, это верная смерть. Другое дело, опытный наводчик считает, как ходит – не задумываясь...

Помолчали немного, налили водки, нарезали сало. Слышно было, как в соседнем купе, или дальше, кто-то терзает гитару, «я ехал в вагоне по самой прекрасной земле». Песня из будущего, прозвучавшая тут по радио в сорок пятом и ставшая очень популярной.

– Так вот, про китайцев, – продолжил Стругацкий, – у нас, так же как у европейцев и у самураев, считалось, раз ты «благородие», то мечом или шпагой владеть обязан. И первым в бой идти, где могут убить. Это сильно в тону

держало. А у китайцев их правило выродилось, что высокопоставленный вообще ничего не делает сам – у него власти достаточно, чтобы кого-то послать, кому-то приказать. Даже сам их внешний вид – тучные, физически неразвитые, с длинными ногтями, одет в какую-то рясу, совершенно неподходящую для быстрых и ловких движений! И так несколько веков – ну и кто наверху оказался после такого отбора? Если считалось, что наверх пролезешь, и как в раю, ничего не делаешь, ни за что не отвечаешь, на все подчиненные есть?

Мда, а я вот вспоминаю старый анекдот Советской Армии будущих времен – «лейтенант должен делать дело, майор знать, где и что делается, полковник – сам найти, где расписаться в бумагах, ну а генерал лишь расписаться, где ему укажут». Но здесь до такого маразма еще не дошло – и уважают нашего отца-Адмирала Лазарева Михаила Петровича за то, что он, даже в глазах армейцев, не только руководил, но лично участвовал, на своей легендарной уже подлодке К-25, в истреблении немецкого флота – уважают даже больше, чем самого наркома Кузнецова. И хоть не принято у нас, чтоб генералы в атаку бегали, не сорок первый давно, – но тех, кто лишь щеки надувать умеет, не то чтобы нет совсем, но карьерные перспективы для них закрыты напрочь, и при демобилизации после Победы от таких избавлялись без сожаления, и на «учениях, приближенных к боевым» дурость таких легко бывает видна, а подобных учений в армии и на флоте в последнее время проводится много, особенно в приграничных округах – в Европе, на Кавказе, на Дальнем Востоке. Войной в воздухе пахнет, как в сорок первом, – и очень надеюсь, что обойдется. Бомбу наши в сорок седьмом взорвали, вот только с носителями проблема, есть какое-то число «нелицензионных копий» В-29 (названного здесь, как и в иной истории, Ту-4), и равноценных им «немцев» He-277, состоящих на вооружении и советских ВВС. И тактическая авиация хороша – истребительные полки на Миг-15 перевооружены, есть и реактивные бомберы Ил-28, а вот у американцев с этим похуже!

– Это вторая отличительная черта китайцев, ну а первая и главная, что они себя мнят центром мира, ну а всех прочих варварами, – продолжает Стругацкий. – И оба обстоятельства Китаю боком и вышли, из-за них он и скатился до положения полуколонии, а ведь был когда-то первой державой Азии, а возможно, и мира.

– Мира это вряд ли, – усомнился Гриб, – хотя это ведь они порох изобрели?

– Они, и еще компас, и бумагу, и фарфор, – подтвердил Стругацкий. – Еще в начале девятнадцатого века они были, пожалуй, наравне с Британией! Тогда

англичане прислали в Китай посольство, естественно, с подарками, хотели заключить торговый договор. А ответ получили, благодарим за присланную дань, как знак вашей покорности, мы же в ваших вещах не нуждаемся, так как имеем абсолютно всё. В Китае тогда было четыреста миллионов населения – больше, чем во всей Европе. И довольно развитое хозяйство – завязанное в основном на воду. Водяные колеса – и от них фабрики бумажные, ткацкие, пороховые, железоплавильные. Сложная система орошения для рисовых полей. Судоходные каналы, образующие транспортную систему. Технологии от Европы уже отставали, – но страна была, мощь! Вот только, если почти в то же время Наполеон на нас бросил шестьсот пятьдесят тысяч солдат и обломался, еле ноги унес, то чтоб Китай опрокинуть англичанам армии в десять тысяч хватило!

– Это как? – спросил Цветаев. – Не иначе без измены не обошлось?

– По крайней мере, в бумагах прямого предательства кого-то из высших не зафиксировано, – ответил Стругацкий. – Началось все с того, что тогда чай выращивали только в Китае. В Европе его распробовали, оценили и готовы были платить большие деньги, но у китайцев была не то что монополия внешней торговли, – но особый порядок, что внутри Китая деньги бумажные, а вовне только за серебро и золото. И торговать с иностранцами имели право не кто попало, а гильдия, куда включали самых доверенных, указом императора – в реальности же, конечно, место там просто покупалось. Ну а англичане нашли это для себя невыгодным.

Ага, обычная логика англосаксонских джентльменов – отнять дешевле, чем купить! Китайский чай в Европе тогда пользовался бешеным спросом и шел по очень хорошей цене – и казалось бы, должен в Китай хлынуть поток «чаедолларов», как в какой-нибудь Кувейт столетием позже? Но англичане додумались в уплату ввозить дешевый индийский опиум – контрабандой, в обход «монополии» продавая непосредственно потребителям, причем только за серебро. Это как бы году в двухтысячном США и Европа стали бы расплачиваться за российскую нефть колумбийской наркотой по рыночной цене, да еще прямо конечным потребителям, через сеть «Макдональдс» и не за рубли, а за валюту. Причем оборот был такой, что колумбийские наркобароны удавились бы от зависти: английские клипера брали в трюмы до тысячи тонн, а приходило их по несколько десятков в год, туда – опиум, обратно – чай. И вместо обогащения в Китае началось национальное бедствие – население массово травилось, так еще и серебра («конвертируемой валюты») из страны уходило много больше, чем возвращалось в уплату за чай, что вызвало инфляцию, упадок торговли, недобор

налогов и кучу сопутствующих проблем в экономике! Основной закон капитализма – что честность обеспечивается исключительно возможностью партнера дать по мордам при обмане. А если этого нет, то слабых или дураков обмануть сам протестантский господь велел!

Китайцы тогда пытались было сопротивляться. Арестовали в Кантоне британского резидента (так в слаборазвитых странах тогда посол назывался) и торговцев, изъяли и сожгли запасы опиума. Тем самым посягнув на святая святых Англии – ее карман. И встала на рейде английская эскадра, и высадились на берег английские войска. Было их немного – с десятков пехотных полков, причем в большинстве даже не из метрополии, а номерные «индийские туземные», то есть солдаты – индусы, британцы лишь комсостав. Боевой состав английского пехотного полка тех лет, от пятисот до восьмисот штыков, равен нашему батальону. И год был 1840-й, а капсюльный штуцер Энфильда, доставивший нам столько неприятностей под Севастополем, был принят на вооружение перед самой Крымской войной, так что в ту экспедицию в руках у солдат (повторяю, далеко не элитных британских полков) были те же кремневые мушкеты, что в битве при Ватерлоо.

– А что у китайцев? – спросил Цветаев. – Если у них четыреста миллионов народа, то армия могла быть миллиона два-три в мирное время и десять миллионов по мобилизации, запросто!

– Точных данных нет, – ответил Стругацкий, – считается, что от шестисот тысяч до трех миллионов. С маньчжурского завоевания повелось, что именно маньчжуры составляли основу армии – гвардию, кавалерию и комсостав всего прочего, китайцы служили лишь в пехоте, рядовыми, и на флоте. Шестьсот тысяч – это именно маньчжурские регуляры, элита. Были еще «внутренние войска», подчиненные губернаторам провинций, скорее жандармерия, чем против врага внешнего – пехота из местных, даже мундиров не имели, вооружались чем попало, – и губернаторы, получая из столицы деньги на их содержание, очень даже были заинтересованы в списки «мертвые души» включать, так что сколько было этих вояк, в ту войну также выводимых в поле против англичан, история умалчивает.

– Ой, пули льешь! – с сомнением произнес Цветаев. – При соотношении один к шестидесяти, если не к ста? И не с пулеметом, а с кремневкой, которую с дула заряжать? А на тебя бегут полсотни с холодняком, как самураи в банзай-атаку, да китаезы бы англичан на ленточки порезали, при своих приемлемых потерях!

– Историей зафиксировано так, – сказал Стругацкий, – чрезвычайно низкий боевой дух китайской армии, ну совершенно не самураи! Разбегались при первых же выстрелах – причем отборная императорская гвардия удирали со скоростью ополченцев. Панически боялись штыковой атаки – хотя, казалось бы, тут у них, вооруженных преимущественно холодняком, должен быть перевес. Реальный случай – китайцы ожидают идущих по реке англичан на заранее подготовленной позиции, две линии фортов с батареями на каждом берегу, рядом в боевой готовности полевое войско числом больше английского в несколько раз, заграждения из вбитых в дно бревен поперек фарватера, за ним эскадра из боевых джонок с пушками и целой флотилии лодок-брандеров с порохом и хворостом, – и все лишь затем, чтобы после пары бортовых залпов и первой же атаки десанта бежать, оставив форты, батареи, несколько тысяч своих сосчитанных убитых, втрое больше пленных и неизвестное число утонувших; потери же англичан составляют аж пятьдесят человек – вместе с ранеными! Вот что такое – «из достойных людей не делают солдат». Вдобавок англичане, двигаясь по рекам и каналам, не занимали территорию и не оставляли гарнизонов, но целенаправленно разрушали все хозяйство: фабрики, мельницы, шлюзы. И китайский император капитулировал, заплатил контрибуцию, отдал Гонконг и разрешил свободную торговлю в портах. Опиум хлынул потоком. О последствиях я уже говорил. Но англичанам этого было мало, и в 1856 году они решили додаться Китай. На этот раз к ним присоединились французы, да и Российская империя не упустила случая. По итогам той войны нашими стали левый берег Амура на всём протяжении и Приморский край.

– Наши разве тогда в Китае воевали? – спросил Цветаев. – Что-то не припомню такого в истории.

– Не воевали, только угрожали, но китайцы уступили, – ответил Стругацкий. – Царизм, конечно, проклятый, и отсталые народы угнетал, но в том конкретном случае, я считаю, было все правильно: иначе бы Владивосток китайским был!

«А мне в той истории запомнилось другое, – со злостью подумал Валентин, – что в Китае не было народной войны, когда каждый мешок зерна надо брать с боем, а отставший от своих солдат рискует головой. Простые китайцы охотно продавали англичанам провизию, служили носильщиками, проводниками. Никак не отождествляя себя и свой интерес ни с разрушаемой захватчиками государственной собственностью, ни с истребляемой армией, «этих мерзавцев не жалко». И ведь это могло быть у нас, в девяностые – если бы пришли не звероподобные фашисты, а улыбающиеся американские «миротворцы»,

раздающие гуманитарные печенки и заявляющие, что всего лишь хотят взыскать законный долг с господ Березовских, стал бы наш народ защищать имущество олигархов, увидел бы в непрошенных гостях врага?»

– Вояки, блин! – сказал до сих пор молчавший Гриб, наливая водку в стакан. – Воют, воют, и еще сто лет будут! Хотя погодите, у наших-то, «красных», с боевым духом должно быть получше?

– А ты думаешь, там все коммунистически сознательные? – ответил Валентин. – Есть и такие, на комиссарских должностях. А так еще хуже, чем у нас в Гражданскую – поскольку пролетариата куда меньше. Кто-то за свою личную хату воет, кто-то за свою обиду, кто-то просто случайно прибил. Ну и всеобщее озверение – за тридцать четыре года бесконечной войны. До последнего китайца – так что теоретически имеет все шансы стать Второй Столетней.

Выпили, закусили, помолчали.

– Опалила нас война, – сказал Цветаев, – и закалила, крепче сделала, но... С мужиками это и правильно, а женщины воевать не должны, ну разве лишь когда совсем конец. Я, когда в Ленинграде был, одну знакомую встретил – на набережной, у китайских львов, которые она мне показывала еще до войны. Была тогда веселой и светлой, как солнечный зайчик. А теперь успела повоевать, немцев убивала, сильной стала и ожесточилась. И другим человеком стала – с обожженной душой. Злая, как волчица.

«У китайских львов... – подумал Валентин, – вот интересно, уж не та ли, хорошо известная нам особа? Которой в Москве не оказалось, когда я в дом на Ленинградском шоссе в гости заглянул. До чего же мир тесен – или люди нашей судьбы и характера друг к другу притягиваются, как магнитом?»

Документ 1. История китайской революции. Изд. Института Востоковедения Академии Наук СССР, под ред. В. И. Толстого. 1950 (альт-ист).

В 1600 году была организована Британская Ост-Индская компания, для монопольной английской торговли с востоком – тогда говорили, «нет мира за этой чертой», то есть, когда встречались в море корабли под разными флагами,

то не имело значения, воюют между собой эти страны в Европе или нет, – если слабейший не успевал убежать, то залп всем бортом и вперед, на абордаж! Пайщиками компании были, кроме джентльменов из Сити, и пиратские капитаны, и сама их покровительница, королева Елизавета. По законам волчьей стаи – удачливых пиратов чествовали и награждали, гоня прочь испанских послов, требующих возмещения грабежа, а неудачников, не окупивших расходы почтенных джентльменов на снаряжение экспедиции, вешали, вот цинизм, «за пиратство и разбой». В начале XVIII века Компания – именно так называли ее сами англичане, с большой буквы, имея на то все основания – добирается до Китая.

Здесь британцев ждал неприятный сюрприз – Китай слишком силен, чтобы его можно было завоевать военным путем. И он объединен в централизованное государство под властью династии Цин – так что реализация блестяще использованной в Индии стратегии «Разделяй и властвуй» невозможна, нет толпы грызущихся меж собой князьков-раджей. Внешняя торговля велась исключительно за серебро, Китай продает чай и шелк, покупая незначительное количество предметов роскоши, в основном русские меха и итальянское стекло – причем мехами с Китаем успешно торговала Россия напрямую. Но при этом Китай невероятно богат, не уступая Индии, из которой Компания ежегодно выкачивает ценностей на сотни миллионов фунтов стерлингов[3 - Ост-Индская Компания всего за 15 лет после захвата Бенгалии только из нее вывезла ценностей на 1 миллиард фунтов стерлингов.], еще тех фунтов XVIII века, имевших совсем иную покупательную способность. За два тысячелетия своего существования в режиме экономики замкнутого типа, дополненной очень выгодной внешней торговлей, бережливые китайцы накопили колоссальные сокровища – достаточно сказать, что денежный оборот Китая базируется не на монетах, а слитках весового серебра[4 - Денежная единица Китая, лян, был слитком серебра.].

Добраться до этих сокровищ поначалу не представляется возможным – вся торговля с Китаем сводится к покупкам крупным оптом китайских товаров в Кантоне у представителей двенадцати купеческих династий, уполномоченных вести торговлю с иностранцами императорским правительством (т. н. «Кантонская система» Империи Цин). Нет доступа на внутрикитайский рынок, как, впрочем, нет товара, пользующегося спросом, и возможности всерьез заинтересовать сверхприбылями китайских торговых партнеров. В итоге английская торговля с Китаем имеет резко отрицательный баланс – причем китайцы, продавая возобновляемые чай и шелк, в уплату берут не возобновляемое серебро! И это при том, что в Англии началась промышленная

революция, жизненно необходимы богатые рынки сбыта, способные поглотить ее продукцию, и огромные деньги на строительство новых заводов и фабрик; если первые имелись в Европе, пусть и в недостаточном количестве, то со вторыми все было хуже – единственным источником ограбления (простите, финансирования) нужного уровня являлась пока одна лишь Индия!

Законного решения этой проблемы у британцев не существовало – но криминальное (вполне подходящее для нации бывших воров и пиратов) нашлось. Компания начала ввоз в Китай бенгальского опиума – спрос и прибыли при этом были таковы, что и китайские партнеры англичан, и контролировавшие их чиновники мгновенно забыли о действующем законодательстве империи Цин. Быстро сложилась цепочка наркоторговли – британцы отвечали за производство и доставку опиума в Китай, крупные китайские торговцы вели крупную и среднюю оптовую торговлю в самом Китае, цинские чиновники прикрывали этот богатейший бизнес от глаз правительства, преступные сообщества, более известные как триады, обеспечивали бесперебойную работу системы на низовом уровне. Ставка на поощрение самых мерзких пороков блестяще себя оправдала – Китай начал убивать себя сам, отдавая накопленные веками и тысячелетиями богатства за мгновения, проведенные в наркотических грезах. Причем это касалось не только наркоманов – китайские торговцы и чиновники перестали работать на свою страну, став коллективным агентом влияния Великобритании, в обмен за долю, получаемую ими за помощь в разграблении и уничтожении своей страны. Эта методика систематически применялась британцами и в дальнейшем – другое дело, что наркотик мог быть не вполне материальным.

Главным куратором наркоторговли в Китае был сам Чарльз Элиот, британский «резидент» (посланник) в этой стране. Его брат, адмирал Дж. Элиот, будет командовать английскими войсками и флотом, посланными усмирять Китай в первую «опиумную войну». До 1833 года Компания извлекала сверхприбыли в гордом одиночестве, в этом же году ее монополия была отменена английским парламентом – прочие капиталисты Британской империи также желали приобщиться к столу. Но когда цинское правительство наконец осознало, что реальная власть над страной ускользает из рук – и пятидесяти лет не прошло с начала масштабной торговли опиумом, как до маньчжурских сановников дошли масштабы угрозы! – то вразумлять китайцев прибыла эскадра Королевского Флота с десантом.

Интересен ход первой Опиумной войны – при том, что англичане еще не имели подавляющего военно-технического превосходства над китайцами и

маньчжурами, при многократном численном перевесе последних. Однако цинские войска обращались в бегство при первых же британских залпах; у англичан не было ни малейших проблем с местным населением – им спокойно продавали продукты, нанимались носильщиками и проводниками; никаких попыток хотя бы пассивного сопротивления, не говоря уже об организации партизанской войны, не отмечено! С другой стороны, и британская армия, «самая звероподобная в мире, укомплектованная последними подонками из лондонских трущоб, в которой мародерство фактически узаконено» (Ф. Энгельс), то есть по моральным качествам почти что гитлеровский вермахт, вела себя на удивление благопристойно, честно за все расплачиваясь, почти не бесчинствуя (в документах есть лишь смутные упоминания о нескольких сожженных деревнях «за отказ предоставить требуемое»). Любопытно, а как англичане могли объясняться с населением, если в каждой провинции был свой диалект, отличающийся от того, на котором говорили в Шанхае? Но эти странности получают логичное объяснение, с учетом факта, что доходы от наркоторговли делились между англичанами и китайской стороной – «мэйбанями» (как в Китае называли торгашей, имевших дело с Европой), чиновниками (включая военных), и бандитами (обеспечивающими лояльность населения). Картина более чем реальная, если вспомнить, что вся «низовая» сеть, распространение отравы на местах, была в руках не англичан, а китайцев!

Сколько ценностей выкачали из Китая? Лишь в одном конвое Компании, вышедшем в Англию в 1804 году, было груза на общую сумму в 8 млн тогдашних фунтов стерлингов. В одном тогдашнем шиллинге было 5,23 г серебра, соответственно в фунте стерлингов было 104,6 г серебра, а 8 млн фунтов были эквивалентны 836,8 т чистого серебра. И это был один конвой – каких за сотню с лишним лет интенсивной торговли опиумом была не одна сотня, так что счет шел на десятки тысяч тонн серебра, если не на сто тысяч! Не меньшие ценности скопились у господ мэйбаней – если считать по традиционному соотношению цены золота и серебра, пятнадцать к одному, то выходило в пересчете несколько тысяч тонн золота, что сопоставимо с золотым запасом США.

Как было сказано, изначально дозволение цинского правительства заниматься внешней торговлей имели лишь двенадцать купеческих династий Китая – богатейшие и до того, а теперь еще и ставшие неофициальной корпорацией, объединенной общностью интересов. Еще больше их сплотила совместная торговля опиумом, принесшая невероятные прибыли. Теперь эти колоссальные капиталы следовало пускать в оборот, чтобы они приносили новый навар, – а в разоренном Китае не было для того возможностей.

И вот в Гонконге и Шанхае появляется банк «The Hongkong and Shanghai Banking Corporation», который создан главой судоходной компании «Peninsular and Oriental Steam Navigation Company» Томасом Сазерлендом в 1865 году, с одобрения глав других компаний Гонконга и согласия губернатора колонии. Глава судоходной компании, ранее не занимавшийся банковским делом, вдруг становится экспертом в непростых финансовых делах – настолько, что ему доверяют свои деньги прожженные капиталисты, прекрасно знающие таланты коллеги? Но мистер Сазерленд был не больше чем «зицпредседателем», реально же упомянутый банк (сокращенно называемый HSBC) являлся азиатским филиалом Ротшильдов, которые и пустили в мировой оборот капиталы мэйбаней. Это было время, когда США, становясь индустриальной державой, крайне нуждались в свободных капиталах. И когда для европейцев наконец была «открыта» Япония, вставшая на путь модернизации, но испытывающая острую нехватку оборотных средств. И конечно, мэйбани не собирались уходить с привычного китайского рынка.

Новый поворот случился в конце XIX века, когда наибольшую прибыль банку HSBC стал приносить даже не опиум, а манипуляции с государственным долгом Китая – с учетом связей мэйбаней и продажности цинских сановников, ничего удивительного в этом не было. Но по странному совпадению именно тогда в Китае резко активизировались революционеры. Казалось бы, все просто – империя Цин прогнила сверху донизу, до состояния трухлявого пня, да и ненависть китайцев к маньчжурским завоевателям никуда не пропала. Но при ближайшем рассмотрении можно было видеть любопытные моменты.

Сунь Ятсен, ключевая фигура китайской революции – в самом начале просто талантливый и горячий юноша, патриот с обостренным чувством справедливости. Но будучи родом из бедной крестьянской семьи, на какие деньги он учился в медицинском институте Гонконга? А после за чей счет ездил по США и Европе, вербуя сторонников среди хуацяо и собирая деньги? Когда же в Лондоне он был схвачен агентами цинского правительства, то британские газеты подняли шум, а сам министр иностранных дел Великобритании, лорд Солсбери, категорически потребовал от китайского посланника немедленно освободить арестанта – это когда англичан беспокоило нарушение прав и свобод иностранцев, если оно не касалось их интересов?

Денег на революцию собрать не удалось, и наш герой обосновывается в Японии. Где также пользуется вниманием власть имущих, с ним ведут беседы такие политики первой величины, как Окума и Инукаи (а также некие чины из

командования японской армии и разведки). Хотели поставить во главе Китая своего человека – так Сунь Ятсен в то время еще почти никто, глава крохотного и мало кому известного неизвестного «Союза возрождения Китая»! Однако именно в Японии он становится по-настоящему серьезной политической фигурой, в 1899 году начинает издавать (и печатать на японской же территории) первую китайскую революционную газету, в 1905 году он уже объединитель китайских оппозиционных организаций и создатель «Тутмэнхой», первой «общекитайской» революционно-буржуазной партии. И все прочие революционеры, и эмигранты, и бывшие в Китае, дружно признают его своим главой – при полной поддержке и понимании со стороны японских властей!

А когда Сунь Ятсен наконец вернулся в Китай – откуда у него взялись деньги и связи, чтоб на равных (пусть и с переменным успехом) бороться за власть с генералами цинской армии? Которые, после падения Империи Цинь в 1911 году, вели себя как европейские герцоги, владыки собственных квазигосударств, с многомиллионными доходами и многочисленными личными армиями. Самый могущественный из них, Юань Шикай, став президентом Китайской республики, открыто претендовал на роль основателя новой императорской династии – вступив в должность, приказал совершить обряды в храмах по императорскому образцу, на что по исконно китайской традиции имел право либо законный император, либо претендент на престол! Однако он, имея к тому все возможности, даже не пытался оборвать жизненный путь нашего героя, путающегося под ногами у бывшего командующего императорской армией, искушенного в интригах и располагающего вооруженной силой. А ограничился всего лишь смещением Сунь Ятсена с президентского поста.

Ответ простой: в конце 1911 года должность личного секретаря Сунь Ятсена занимает некая Сун Айлин; в 1913 году ее сменяет сестра, Сун Цинлин, которая в 1915 году выходит замуж за нашего героя. Жених старше невесты на 27 лет, свадьба состоялась в Японии. Юные дамы являются дочками методистского проповедника и богатейшего бизнесмена Чарли Суна, получили образование в аристократических женских колледжах США – при том, что тогда в Штатах к китайцам относились чуть лучше, чем к бездомным собакам. И никакие деньги сами по себе не могли бы открыть для китайок эти двери, если бы Чарли Сун не был бы «своим» для власть предержащих Америки!

Смысл игры был в том, что обнищавший и предельно ослабленный к концу XIX века Китай уже не давал прежних доходов, ни мэйбаням, ни их западным партнерам. И властная верхушка империи Цин стала лишним звеном – однако

избавиться от этих нахлебников можно было, лишь обрушив империю в целом! И все были довольны – мэйбаням проще было торговать опиумом не в едином государстве, а в совокупности воюющих между собой княжеств, накладные расходы меньше, ну а англичанам, американцам, японцам становилось намного легче растаскивать по кускам не единое государство, а отдельные княжества. И осуществить этот проект следовало чужими руками – прекрасодушных идеалистов, мечтающих о свободе и благосостоянии китайского народа!

Сунь Ятсен искренне ненавидел цинский режим за все его мерзости, которых было в избытке. Вот только, имея желание облагодетельствовать свой народ, он не имел возможности сделать это доступными ему средствами. Нашлись добрые люди, готовые помочь ему в осуществлении мечты, он охотно согласился на их условия. Но «коготок увяз – всей птичке пропасть», чем дальше заходило дело, тем на большие уступки приходилось идти – и династический брак с Сун Цинлин стал финалом всего. Нашего героя взяли под предельно плотный контроль – мало того, согласно китайским традициям, вдова становилась наследницей его идей! И он понял под конец, в какую ловушку попал – возможно, что его подчеркнуто хорошее отношение к Советской России, попытки получить военную и финансовую помощь от Коминтерна были поиском выхода запутавшегося человека, увидевшего, насколько он превратился в марионетку в чужих руках и попытавшегося оборвать хотя бы часть нитей кукловодов, намертво спеленавших его. Но уже было поздно – ничего исправить было нельзя.

Было поздно, потому что у мэйбаней уже имелась фигура на подмену. Такими же странностями отмечен и жизненный путь Чан Кай Ши – сначала молодой человек из небогатой семьи поступает в школу европейского образца, что в Китае того времени было очень недешево! Затем, неизвестно на какие деньги и по чьим рекомендациям, едет в Японию к Сунь Ятсену. Пытается поступить в японское военное училище – что в те годы было весьма непросто даже для японца из хорошей семьи, это в 1930-е, готовясь к большой войне, Япония резко увеличила число военно-учебных заведений и снизила требования к кандидатам в будущие офицеры, ну а в начале XX века иностранцу поступить туда было не легче, чем в Вест-Пойнт или Сен-Сир! И Чан Кай Ши туда попадает (правда, со второй попытки)! Отучившись там полный курс, он получает направление в артиллерийский полк! Пехотинца, китайца, и в высокопрестижную артиллерию – молодых офицеров-японцев на завидную должность не нашлось?!

Показательно, что после начала Синьхайской революции Чан без проблем возвращается на родину, и у командования японской армии, где он пребывал на

действительной службе, не было никаких претензий. В Китае он неплохо проявляет себя в ходе боевых действий – все ж кадровый офицер не самой плохой армии, и это вопрос, кто более компетентен в военном деле, лейтенант японской выучки или купивший генеральское звание цинский чиновник. Молодой лейтенант занимает по сути, генеральские должности, по меркам регулярной армии, организует восстания против Юань Шикая в районе Шанхая и Нанкина (окончились провалом). Имеет в жизненном багаже образование и опыт строевой службы младшим офицером в мирное время, несомненное личное мужество, – но нет ни малейших навыков планирования операций, штабной работы, а также подполья. Однако уже в 1923 году 36-летний Чан Кайши становится начальником Генерального штаба войск Гоминьдана – и окружение Сунь Ятсена никак не препятствует такому карьерному взлету!

Сунь Ятсен был нужен для разрушения Цинской империи и пресечения попыток перехвата власти старой цинской элитой, а также как формальный идеолог и знамя данных процессов – и потому, когда крах империи настал, и игра пошла менее предсказуемо, не только прежний вождь был взят под предельно жесткий контроль, но одновременно на игровое поле выпустили лидера следующего этапа, когда Гоминьдан станет политическим и военным прикрытием интересов мэйбаней и их иностранных партнеров. И этот вождь, продвигаемый к вершинам власти, как пешка в ферзи, должен быть соратником и преемником вождя прежнего, что очень важно для Китая. После чего Сунь Ятсен сделался лишним, и должен был быть с почестями похоронен – с формальным диагнозом «рак печени», при том что искусство отравления в Китае было развито не меньше, чем в средневековой Италии. К этому времени Гоминьдан контролировал заметную часть прибрежных провинций Китая, ключевых для мэйбаней и англосаксов, а процесс вытеснения старой цинской элиты подходил к концу.

Действия Чан Кай Ши после смерти Сунь Ятсена четко укладывались в выполнение обязательств перед покровителями – сначала командование Восточным походом, в итоге которого были захвачены провинции Гуандун и Гуанси, весьма ценные для мэйбаней и их партнеров, а Чан-победитель становится самой сильной фигурой. Затем на съезде Гоминьдана Чан пробивает идею Северного похода – вытеснения цинских генералов из провинций, бывших основным местом приложения британских, американских и связанных с ними китайских капиталов. И высокие покровители не забывают своего протеже – сначала уезжает во Францию внезапно заболевший гражданский лидер Гоминьдана Ван Цзинвей, потом подает в отставку по болезни председатель Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана Чжан Цзинцзян. С лета 1926 года Чан Кай Ши сосредотачивает в своих руках всю полноту власти – от партии до

государства, от армии до гражданского управления.

В то же время Чан Кай Ши поддерживает начатые Сунь Ятсеном отношения с СССР – в 1925 году он отправляет своего пятнадцатилетнего первенца Цзян Цзинго на учебу в Советский Союз. Не вполне понятно, в какой мере это решение было продиктовано желанием самого Чана и его китайских покровителей сохранить доступ к советской военной помощи, игравшей немалую роль в поддержании хоть какой-то боеготовности войск Гоминьдана, а в какой – желанием самого Чана иметь хотя бы потенциальный противовес, по крайней мере, в качестве предмета торга, с мэй-банями.

Во всяком случае, с декабря 1926 по декабрь 1927 года в Гоминьдане наличествует раскол, имевший весьма острые формы – дело дошло до отставки Чана в августе 1927 года. В промежутке происходят весьма примечательные события – сначала, в апреле 1927 года Чан, совместно с триадами, действуя в интересах владельцев иностранных концессий, организует резню коммунистов в Шанхае; в декабре 1927 года, после развода с первой женой, Мао Фумэй, он женится на третьей дочери Чарли Суна – Сун Мэйлин (надо отметить, что Цзян Цзинго люто ненавидел мачеху всю жизнь – ненавидел настолько, что сразу после смерти Чана Сун Мэйлин уехала с Тайваня в США, надо полагать, имея для этого веские основания).

Создается впечатление, что в это время кто-то хотел пересмотреть заключенное соглашение – то ли Чан пожелал большего, чем ему полагалось, то ли мэйбани сочли, что их пешка держит в руках чересчур большую власть, и попытались создать противовес за счет раскола Гоминьдана, то ли все сразу. Резней коммунистов Чан доказал свою верность и полезность – после такого переметнуться на сторону СССР ему было бы затруднительно. Тем не менее покровители явно настаивали на своем – тогда Чан подает в отставку и уезжает в Японию, демонстрируя ориентирующимся на англосаксов мэйбаням, что он может найти себе почти столь же могущественных покровителей. На дворе 1927 год – именно тогда экспансионистские устремления армейской элиты Империи восходящего солнца получают законченное оформление в виде «Меморандума Танака». Мэйбани и их англосаксонские партнеры не могут не понимать, что если японцы получают в свое распоряжение влиятельную китайскую силу, способную эффективно действовать за пределами их сферы интересов, находящейся в Маньчжурии, то «пирогом» Центрального и Южного Китая, доселе безраздельно находящимся в распоряжении Англии и США, за исключением относительно небольшого французского «ломтя» в Южном Китае,

придется делиться с японцами, причем в существенных размерах. Соглашение мэйбаней с Чан Кайши перезаключается – и закрепляется династическим браком Чана с Сун Мэйлин, заключенным в декабре 1927 го да. Уже в январе 1928 года Чан возвращается к власти.

Он обеспечивает интересы своих работодателей, ожесточенно воюя с претендующими на власть коммунистами. И категорически отказывает в помощи северному «правителю» Чжан Сюэляну, когда японцы вторгаются в Маньчжурию. Если вспомнить, как к самурайской агрессии отнеслись его хозяева – американцы, устами госсекретаря Стимсона, заявили о «юридическом непризнании японских захватов, но без введения экономических санкций и, тем более, без применения военной силы против Японии», ну а англичане посылают комиссию лорда Литтона, не постеснявшегося сказать, что его задача «не заставить Японию уйти из Маньчжурии, а создать условия, позволяющие ей там остаться». Державы договорились, разделили сферы влияния – судя по реакции Чан Кайши, интересы мэйбаней тоже были учтены, – ну а при китайский народ никто не задумывался.

В итоге Гоминьдан, когда-то созданный Сунь Ятсеном как партия национального возрождения Китая, окончательно стал антикитайской коллаборционной кликой. Даже когда в 1936 году после т. н. «Сианьского инцидента», когда генералитет северных провинций, безжалостно выбиваемый японцами из своих вотчин, сначала заключает с КПК негласное соглашение о перемирии, а затем арестовывает прилетевшего на север для организации решительного наступления на коммунистов Чан Кайши, вынудив его подписать соглашение о создании единого с КПК антияпонского фронта – на практике все свелось к перемирию Гоминьдана с КПК. Совместные операции против японцев были большой редкостью, да и велись, как правило, в северных провинциях, где интересы коммунистов и местных генералов-милитаристов, фактически феодальных владык, временно совпадали...

Документ 2. Мао Цзе-дун – краткая биографическая справка. Лично для И. В. Сталина – с грифами ОГВ, «Рассвет».

Родился в семье зажиточного землевладельца 26.12.1893 г. Получил начальное образование китайского образца (учение Конфуция и древнекитайская литература) в местной школе. Бросил школу в 13 лет. По возвращении домой конфликтовал с отцом из-за нежелания заниматься физическим трудом. Очень

много читал.

В 17 лет поступил в начальную школу высшей ступени, хорошо учился. Находился под влиянием идей конституционного монархизма в китайском варианте, предложенные реформаторами Циньской монархии Лян Цичао и Кан Ювэем.

Во время Синьхайской революции находится в городе Чанша провинции Хунань, где на полгода вступает в «армию» губернатора провинции. Покинул ее при невыясненных обстоятельствах (дезертирство?).

Далее период самообразования и учебы – средняя школа в Чанша, библиотека провинции Хунань, педагогическое училище Чанша (изучает философию, историю и географию Запада). Все это время Мао живет на деньги, присланные отцом, – зарабатывать на жизнь самостоятельно он отказывается.

В 1918 году перебирается в Пекин, где работает в библиотеке Пекинского университета ассистентом Ли Дачжао, одного из основателей КПК. Занимается изучением марксизма и анархизма (известно о его восхищении идеями Кропоткина). Отказывается от возможности поехать на учебу во Францию из-за нежелания изучать иностранные языки (и диалекты китайского тоже – всю жизнь он говорил на родном диалекте), как и зарабатывать на жизнь физическим трудом. После принимает окончательное решение остаться в Китае.

В 1919–1920 годах путешествует по Китаю, активно занимаясь политической деятельностью. По его утверждению, в 1920 году окончательно встает на марксистско-ленинские позиции. В 1921 году участвует в учредительном съезде КПК и назначается секретарем хунаньского комитета КПК. Вскоре был отстранен от должности за развал работы. Затем выступил за союз Гоминьдана и КПК – и был переназначен секретарем уже провинциального комитета Гоминьдана; также сорвал создание провинциальной организации и подал в отставку.

В апреле 1927-го организует восстание в Хунани – разгромлено, Мао с остатками отряда бежит в горы на границе Хунани и Цзянси. В 1928 году организует советскую республику на западе Цзянси – деятельность Мао сводится к проведению аграрной реформы и формальному уравниванию прав мужчин и женщин; каких-то попыток разгромить эту республику не отмечено.

На фоне общего кризиса КПК позиции Мао, делающего ставку на крестьянство, усиливаются, – но не совсем понятно, можно ли уже тогда считать его марксистом. Со своими противниками в партийной организации Цзянси он расправляется посредством ложных обвинений в работе на врага – эти люди брошены в тюрьмы или убиты. Это была первая «чистка» в истории КПК.

Расправившись с конкурентами, Мао в 1931 году провозглашает Китайскую Советскую Республику, во главе которой и становится. Реальных мер по укреплению КСР за три спокойных года Мао не предпринял, так как был занят борьбой за власть в КПК с группой «28 большевиков», возглавляемой товарищем Ван Мином, твердо следующей линии Коминтерна. К 1934 году Чан Кайши решает ликвидировать КСР – гоминьдановские войска сосредотачиваются для наступления. Принимается решение об уходе на север – считается, что т. н. «Великим походом» руководил Мао, но на практике прорывом руководил Чжоу Эньлай, а самим походом – Линь Бяо. Военные результаты катастрофичны – из 80 тыс. человек, вышедших из Цзянси, до намеченной цели, Яньаньского района, доходит менее 8 тыс. человек. Но в ходе похода, на конференции КПК в Цзуньи, Мао возвращает себе власть, ощутиمو потеснив группу Ван Мина.

В 1937 году Мао идет навстречу пожеланиям Коминтерна и соглашается на создание единого антияпонского фронта с Гоминьданом. На практике единственным крупным сражением с участием китайских коммунистов становится т. н. «Битва ста полков», показавшая полную неспособность китайской Красной Армии (НОАК) хоть как-то противостоять даже второсортным японским войскам. Уровень боеспособности НОАК намного ниже даже немецкого фольксштурма 1944 года – сравнение же с РККА, вермахтом или Императорской армией просто бессмысленно.

После этого активные действия частей НОАК, за исключением редких вылазок мелких партизанских отрядов, прекращаются, как и боевая подготовка – по приказу Мао части 8-й и Новой 4-й НРА переходят на самообеспечение, т. е. занимаются сельскохозяйственными работами и мелким кустарным производством – с очевидным результатом снижения боеспособности с очень низкого уровня до абсолютного нуля.

В 1941–1945 годах проходит кампания «чжэнфэн», представляющая собой усовершенствованный вариант чистки в партийной организации Цзянси 1930–1931 годов – только теперь в масштабах всей КПК. Технические различия заключаются в том, что если в 1930–1931 годах противников Мао уничтожали

под предлогом их членства в вымышленной организации «АБ-туаней», то в этот раз их или методично ломают психологически, используя в качестве начального предлога мнимое «несовершенство литературного стиля», либо убивают без суда и следствия. Результатом кампании «чжэнфэн» становится не просто разгром политических противников Мао, но полное подавление даже намека на свободомыслие в КПК – теперь партия представляет собой человеческий муравейник, беспрекословно и бездумно подчиняющийся воле «матки»-Мао. Побочным следствием этой кампании становится уничтожение самой возможности создать на базе имеющихся членов КПК сколько-нибудь эффективный аппарат управления, поскольку в принципе отрицается необходимость не только обучения чему выходящему за пределы работ Мао, но и сама возможность самостоятельного мышления.

В это же время Мао впервые наглядно демонстрирует свои «таланты» экономиста – будучи не в состоянии обеспечить потребности населения Особого района и «войск» КПК даже на самом низком уровне за счет реализации политики «самообеспечения», он отдает приказ о крупномасштабном выращивании опийного мака. Де-факто Особый район становится огромной плантацией опийного мака, а КПК превращается в одну из крупнейших в мире организаций, торгующих наркотиками.

В начальный период Гражданской войны 1946–1949 годов (мир «Рассвета») с Гоминьданом Мао, получив от Советского Союза большую часть вооружения и техники капитулировавшей Квантунской армии и единственный на территории Китая промышленный район, бывшую Маньчжоу-го, действует самостоятельно. Результат не заставляет себя ждать – войска НОАК оказываются на грани полного разгрома. Это объяснимо – как бы ни была низка боеспособность войск Чан Кай Ши, как ни разложен его тыл, все же войска Гоминьдана имеют хоть какой-то боевой опыт и значительная их часть прошла пусть и явно недостаточную, но все же боевую подготовку у американских инструкторов. У Мао нет ни государственного аппарата, пусть предельно неэффективного и разложенного, ни армии, пусть и самого последнего разбора – есть только фанатики, способные бездумно цитировать его статьи, но не управлять государством, не воевать.

В настоящей же исторической реальности, когда у Мао нет ни Маньчжурского тыла, ни активной помощи СССР в плане поставок вооружения и обучения НОАК советскими инструкторами, следует признать, что самостоятельная победа Мао в Гражданской войне абсолютно исключена.

Значение Особого района Китая для СССР состоит лишь в том, что само существование этой территории делает невозможной победу Чан Кай Ши, а стало быть, и установление в Китае мира «по-американски».

В то же время военная и политическая слабость Мао обесценивают и его значение как союзника США, при возможном переходе на их сторону. Такие попытки были предприняты со стороны Мао еще в 1944 году. Однако США соглашались, по максимуму, лишь на сохранение режима Мао наряду с режимом Чан Кай Ши, что было абсолютно неприемлемо для них обоих. Мао требует себе монопольной власти над Китаем – что недопустимо для интересов США. И непонятно, даже при формальном американском согласии, как он собирается эту власть установить фактически – если не рассматривать фантастический вариант, что армия США оккупирует территорию Гоминьдана, подавляя всякое сопротивление, а затем передает власть Мао.

Документ 3. Из доклада советского военного агента (атташе) в Особом районе Китая (территория, контролируемая Мао-Цзедунем). 1 июня 1950 г.

Особый район включает в себя пять административных районов, в которых 30 уездов, 1 город, 210 районов и 1293 селения. Численность населения – 1 миллион 360 тысяч человек.

Экономика полунатурального характера с преобладанием сельского хозяйства. В Яньани и десяти уездах, а также в пяти районах Гуаньчжуна земля передана крестьянам, в остальных районах сохраняется помещичья система землепользования. Основные сельскохозяйственные культуры: чумиза, просо, пшеница. Кроме того, высеиваются кукуруза, гаолян, соевые бобы, гречиха, рис, конопля, картофель. Весьма распространены овощеводство и хлопководство. В целом ОР обеспечивается продовольствием.

Уголь разрабатывается ради текущих нужд в мизерных количествах. Есть добыча нефти, в районе Яньчана, но из-за недостатка оборудования (особенно нефтехранилищ) – в ограниченных объемах, едва покрывающих потребности. Промышленность – кустарные мастерские и примитивные заводи: ткацкое производство, изготовление бумаги, одежды, обуви, мыла, керосина, фарфора. Металл низкого качества, выплавляется в самодельных печах.

Пролетариат крайне малочисленен – на весь ОР несколько сотен квалифицированных рабочих, а остальной персонал фабрик наскоро обученные крестьяне. Несмотря на войну, есть активная торговля с гоминьдановскими провинциями: вывоз – опиум, соль, шерсть, скот; ввоз – спички, мануфактура, канцелярские принадлежности, промышленные товары (в т. ч. и американские, ввезенные через Шанхай). Контрабандой – оружие, боеприпасы, амуниция (причем с обеих сторон – есть сведения, что советское вооружение, поставляемое Мао, пользуется популярностью у Гоминьдана).

Опиокурение повальное, особенно среди шахтеров и работников мастерских. В последние годы опиум стал широко распространен и среди крестьян – курят целые деревни, включая подростков и кормящих матерей. Курильщики опиума редко доживают до сорока лет. Власть не только не пытается с этим бороться, но даже поощряет, например, выдавая работникам зарплату не деньгами, а опиумом. Возможно не по умыслу, а по причине отсутствия денежных средств: местная валюта стоит очень дешево, оттого развит натуральный обмен, приводимый к единицам наиболее ходового товара. Из иностранной валюты наиболее ценятся американские доллары – имеющие хождение исключительно в кругах, близких к верхушке.

Здравоохранение практически отсутствует. На весь ОР имеется 25 дипломированных врачей! И единственный относительно оборудованный госпиталь, при резиденции Мао.

Номинальная численность 8-й Армии НОАК, дислоцированной в ОР, более 400 тысяч бойцов. Однако сюда включены и те, кто фактически занят в сельском хозяйстве и промышленности, не занимаясь боевой подготовкой, а иногда и не имея оружия. Реально же в строю постоянно находятся не более чем 50 тысяч человек. Однако обычной является практика, когда при начале активных действий на фронте спешно проводится «мобилизация», а в период затишья «лишние» воинские части снова становятся «трудармиями», за исключением уже упомянутого постоянного контингента, несущего пограничную и полицейскую службу.

Имеющийся мобилизационный ресурс обеспечивает возмещение понесенных потерь, но есть большие трудности с комплектованием технических родов войск. Подавляющая часть армии это пехота, обеспеченность артиллерией, транспортом, связью – чрезвычайно низкая, вне зависимости от советских поставок. В Яньани я сам видел на хранении более ста 76-мм пушек и 22 танка Т-

34-85. Ни разу за пять лет мне не приходилось видеть учений хотя бы ротного уровня (и даже слышать о таковых). Во время посещения мной танковой роты, из 14 танков (2 Т-34, 2 «шермана», 7 «Чи-Ха», 3 «Ха-го») на ходу оказалось лишь пять машин. Причем на одном из этих пяти танков («Чи-Ха») у орудия отсутствовал прицел; также ни на одном из них (осмотренных мной лично) не было раций. По моим сведениям, в 8-ю армию входят один танковый «полк», трехротного состава (на бумаге, реально же роты дислоцированы в разных пунктах), и семь отдельных рот, всего до 150 машин, при очень плохом ремонтно-техническом обеспечении.

Авиация практически отсутствует. Летают несколько У-2, на аэродроме вблизи Яньани я видел до 15 ед. истребителей Ки-43 «Хаябуса», в нелетном состоянии. ПВО насчитывает отдельные батареи, преимущественно советские 37-мм МЗА. Поскольку в НОАК практически нет персонала, способного работать с ПУАЗО среднего калибра, а тем более с радиолокационной техникой.

Подчеркиваю особо: никаких интенсивных и длительных боев между НОАК и армией Китайской республики в течение последних трех лет не было! Были «бои местного значения» (в которых иногда задействовались значительные силы), но гоминьдановцы, по моему убеждению, гораздо больше были озабочены создать видимость сражения, списав какое-то количество ресурсов (к коим относилась и живая сила – иного объяснения безграмотным атакам «людскими волнами» на пулеметы нет). После чего снова восстанавливалось затишье «странной войны», а Мао слал нам требования о помощи, «пока его не разбили». Характерен эпизод, когда я попросил показать место пресловутой «могилы шерманов» под Чжэрджоу – и мне было показано поле, где стояли девять танков, причем по крайней мере некоторые имели вид спешно притащенных откуда-то, и как минимум на двух я видел наспех закрашенные опознавательные знаки НОАК!

Авианалеты гоминьдановцев нечасты и, как правило, значительного ущерба не наносят. Обычно в них участвует не более 4–6 самолетов, неприцельно бросающих бомбы на населенные пункты.

Общий вывод: текущее положение дел («странная война», «два Китая») может сохраняться неопределенно долгое время. Если не последует внешнее вмешательство, нарушившее равновесие.

Северо-Восточный Китай. 10 июля 1950 г.

На привокзальной площади, среди пыли и жары, китайский оркестр наяривал «Катюшу».

– Любят нас тут, – заметил Стругацкий. И добавил, прислушавшись: – Хотя фальшивят безбожно!

Валентин лишь усмехнулся нехорошо. И сказал:

– Вон тот дом видишь? Который на крепость похож. Иероглифы на вывеске прочесть можешь?

Стругацкий всмотрелся.

– Первый – учреждение, в смысле – группа людей, которых власть на что-то уполномочила. Примерно как у нас наркомат, департамент, управление. Второй – дружелюбие, лояльность, соблюдение законов, покой в государстве, «восторг подданных волей Императора». – То есть можно назвать «Министерство любви», – с усмешкой заметил Валентин, – хорошее имя для кэмпэтай. Не шучу – там половина сотрудников ещё при японцах работали, где здесь и сейчас другие обученные кадры найти? Так же как в Штази, если поискать, куча бывших гестаповцев. А в этом городе я в прошлом году был, пока ты китайскую грамматику штудировал – в доме том подвалы глубокие, стены толстые, но вопли допрашиваемых даже отсюда были слышны. Тут допрос без пытки, это и не допрос вовсе – тоже элемент китайской культуры, тысячелетней древности, или тебя этому не учили? А поезда надолго останавливаются, наши, кто в Порт-Артур едут, выходят ноги размять, кто-то и с семьями – нехорошо получалось. Так китайцы теперь присылают оркестр, чтобы пока поезд стоит, музыка играла...

Интеллигент остается интеллигентом – как с лица сбледнул! А ведь не домашний мальчик, уж сколько за войну повидал, одна Блокада чего стоит. Но все ж сам не убивал, на передовой не был – а это принципиально меняет отношение к человеческой жизни, и к своей, и к чужой. Когда видишь в ней ресурс для достижения цели, пусть с дорогой ценой – но все же не «неразменную монету». А уж в Китае с этим по-иному – в СССР, даже в тридцать седьмом, ни Ягода, ни Ежов не посмели официально отменить презумпцию

невиновности, не говорили открыто, «лучше казнить десять невиноватых, чем отпустить одного врага народа». Здесь же вполне принято, что могут пытать и свидетелей, верно ли показали, и даже истца, не клеветает ли? Бьют обычно не кулаками и ногами, а бамбуковыми палками, что бы там ни рассказывали про боевые искусства, ну а для более изощренных процедур придумано такое, что европейская инквизиция и даже гестапо нервно курят в сторонке – школа, отточенная даже не веками, тысячелетиями, высокое пыточное мастерство!

А просветить щегла надо – если не хотим, чтоб он сорвался в самый неподходящий момент. Китай он пока лишь теоретически изучал, сам не был южнее Харбина – который сейчас больше на Иркутск или Владивосток похож. Там штаб Маньчжурской группы войск, со всеми сопутствующими службами, и прочие центральные учреждения «Желтороссии», как уже этот край в разговоре называют не стесняясь, на центральных улицах русскую речь слышишь чаще китайской, причем иные и с семьями едут, кому надолго служить, и девушки тоже приезжают, вторая волна хетагуровок (кто довоенный фильм «Девушка с характером» смотрел, тот помнит), все же в войну мужиков повыбило, а тут такая концентрация офицеров, и работа для жен и невест находится, в советских учреждениях, и по вечерам по проспекту Сталина цокают каблучками такие вот «ани лазаревы», даже одеты в похожем стиле. И прежние русские из «бывших» тоже поняли, что в дом хозяин вернулся, всерьез и надолго – над магазинами или кафе нередко старорежимные вывески увидеть можно, с «ятями» и твердым знаком – впрочем, и в китайском заведении по-русски поймут отлично. Поскольку советские считаются самой ценной, платежеспособной клиентурой – туда уже не одни служивые по делам из Союза ездят, но и всякие «кооператоры», товар оптом купить, свое продать; ну а рубли в бывшей Маньчжоу-го это самая надежная валюта, как баксы в России девяностых. Может, где-то в глубинке по-иному, но все крупные города Северной Маньчжурии на КВЖД стоят, где забыть не успели, кто все построил там, где еще полвека назад дикая степь была, по которой лишь пастушьи племена кочевали!

Флаг Российский. Коновязи.

Говор казаков.

Нет с былым и робкой связи, –

Русский рок таков.

Инженер. Расстёгнут ворот.

Фляга. Карабин.

– Здесь построим русский город,

Назовём – Харбин.

Без тропы и без дороги

Шёл, работе рад.

Ковылял за ним трёхногий

Нивелир-снаряд.

Перед днём Российской встряски,

Через двести лет,

Не Петровской ли закваски

Запоздалый след?

Не державное ли слово

Сквозь века: приказ.

Новый город зачат снова,

Но в последний раз[5 - А. Несмелов. Стихи о Харбине.].

Так что пусть Мао пасть заткнет – не его это земля, не для него освобождали! Китайцы уже на готовое набежали – к диким кочевым варварам ехать дураков нет, а в цивилизацию, где все удобства, и городские за порядком следят, это пожалуйста! Уже сейчас в Маньчжурии китайцев больше, чем самих маньчжур, и язык маньчжурский, совсем не родственный китайскому, но близкий к языкам монголов и народностей нашего Дальнего Востока, почти забыт, вытеснен северокитайским диалектом. Что и дает Мао право едва ли не в каждом послании в Москву интересоваться, когда советские вернут ему исконно китайскую территорию. И если эта сволочь так ведет себя сейчас, от нас во всем завися, от провизии до патронов, то что же будет после, когда и если он силу наберет?

– Если подумать, то в Китае так же, как в Японии, переизбыток населения, – продолжил Валентин, – вся разница, что территория побольше, а значит, и емкость ее. Но так же ограничена – с востока океан, на юге джунгли, с запада Тибет и Гималаи, затем пустыни Гоби и Такла-Макан, на севере степь с варварами, да и холодно, чтоб привычное китайское хозяйство вести. А народ плодится и размножается – и рано или поздно его оказывается больше, чем территория может прокормить.

– В раннесредневековой Европе было похоже, – заметил Стругацкий, – но там все же в природе большее разнообразие, а значит, и уклад хозяйства, и национальный характер. Оттого сложилось много различных этносов, которые объединиться, в отличие от Китая, никак не могли. Как сказал товарищ Сталин в статье «Природные условия и нации», демографическое давление снимали частично междоусобными войнами, частично внешней экспансией – крестовыми походами, «Дранг нах остен» в наши славянские земли, а после очень кстати случились Великие Географические открытия, и европейская экспансия выплеснулась на весь мир.

«Ограбили бедного Льва Гумилева! – подумал Валентин. – О всей его “пассионарной теории” пока речь не идет, но само понятие “этнос” и прямая связь национального характера с природными условиями и способом хозяйствования показались Вождю очень своевременными. В иной истории он лишь чем-то там о языкознании разродился, о чем после благополучно забыли, – а тут он уже с десятков теоретических трудов под своим именем выпустил, начиная с “О государстве”, еще летом сорок четвертого, и завершая вот этим. Чем заслужил уважение кое-кого из ученых. Ну а мы, естественно, молчим. Хотя там не чистый перепев, но и творческая переработка – да и можно ли сказать “плагиат” по отношению к тому, что в этой истории еще не написано? Но продолжим учить щегла».

– И наступили китайцы на грабли. Верно сказано – чтобы в Китае выжить, надо стать китайцем, но есть и обратная сторона, китайцы на чужбине живут плохо. Торговцы где-нибудь в Малайе это статья отдельная. Потому жизнь тут ценится куда ниже, лишний народ кормить не принято. Каторги в нашем понимании не было – для работы, вольных рук всегда хватало. Зато существовал ее некий аналог – в солдаты: тут защитники Отечества это не герои, а отбросы, которых не жалко. А тюремных сидельцев тут издревле полагалось кормить их собственной родне – и тюрем в нашем понимании нет, ну разве для высокопоставленных пленников, а простонародье сидит в вырытых ямах у

крепостной стены, стражники ходят, родня узникам еду кидает, ну а если не принесет, значит, с голоду помрешь. Здесь тюрьме предпочитают наказания телесные – за малую провинность просто бьют, за более серьезную что-то отрежут, ну а выше разные степени смертной казни, от быстрой и безболезненной, до такой, что чертям в аду впору квалификацию повышать! Традиции седой древности, две тысячи лет так жили, и сейчас никуда это не делось. Но так как у них политика от уголовки не отделялась, то возможно, что там во дворе сейчас всего лишь лупят палками пойманного вора или иного мелкого нарушителя порядка. Раньше таких на городской площади наказывали, но теперь таскают туда, чтобы опять же наших проезжающих не смущать. Другое отношение к людям тут исторически сложилось, о гуманизме и не слышали. Ты здешние «круги ада» не видел, в том самом доме с красивыми иероглифами? Один из тех кругов наши остроусловы «рабским рынком» прозвали. Ну, мы с тобой это еще вблизи увидим, и не раз.

Стругацкий сбледнул еще больше. Вот что значит, не работал пока «в поле», не участвовал в боевых выходах, вся его карьера после Победы это советская военная миссия в Японии (зато хорошо в языке натааскался), затем разведотдел штаба ТОФ во Владике, где он заодно преподавал нам, «иркутским бобрам», японский язык (и каждый приезд на нашу базу воспринимал как на передовую под огонь – ну еще бы, такие люди, самого Гитлера притащили!), после в рамках «повышения квалификации» китайский язык изучал, даже умудрился заочником в московский универ поступить на восточный факультет, откуда сейчас и возвращается, экзамены сдав. Слушал лекции по китайской истории, культуре, языку – пусть теперь посмотрит, как это в натуре, без прикрас!

– Нас-то это некасается, – продолжил Валентин, – советские, что военные, что гражданские, местным законам не подвластны. И не только на территории КВЖД, где мы сейчас находимся, и которая есть неотъемлемая часть территории СССР, видишь, ребята в зеленых фуражках стоят, – но и на китайской тоже. Местные, даже если накосячишь, имеют право лишь просить нашу прокуратуру или комендатуру. Тут было вначале, что хунгузы в форму переодевались, нападая на наших, – и был приказ, пресекать огнем на поражение. А в результате полицаи с тех пор убеждены, что спросить документы у советского военнослужащего будет сочтено за смертельное оскорбление – как совсем недавно любой японец в мундире любого китайца безнаказанно убить мог, если считал, что тот его чем-то обидел. Так что не удивляйся, когда китайская полиция тебя на улице за десять шагов станет обходить и кланяться, чего угодно приказать господину – ну прямо как в колониальные времена!

– Это и нас унижает! – ответил Стругацкий. – Не только их. И развращает – а если кто домой вернется, привыкнув?

«Все ж мы непрошибаемые циники, – подумал Валентин, – в этом щегле, двадцати пяти лет от роду, идеализм еще сидит, что все люди братья, если, конечно, к классу эксплуататоров не принадлежат. А мы пережили уже крах этих идей – и сейчас, когда вторая попытка, боимся поверить до конца, чтобы снова больно не было. И уж совершенно нет в нас желания облагодетельствовать все человечество – только своих, к коим мы причисляем все же не одну свою нацию, а всех, кто встанет с нами в один строй. А прочие же – для нас безразличны!»

– А ты с этого кайф не лови – пользуйся по делу. Как русские из Харбина, сюда приезжая, внаглую присвоили эту нашу привилегию, и чуть что, зовут советский патруль. Китайские полицаи тогда сразу в сторону – вот только наши законы в чем-то даже строже. Например, за «дурь» у нас вплоть до вышака, а у китайцев всего лишь штраф, или палками побьют, и гуляй! Белогвардейцев бывших, кстати, и наши немного недолюбливают – даже не за политику, а чисто на бытовом уровне, положиться на них нельзя. Ну да с этой публикой ты в Харбине общался много, знаешь.

– Они не наши остались, – заметил Стругацкий, – да, за СССР, за Сталина, а вот свое «я» у них все же на первом месте. С нами сейчас оттого, что выгодно им. Даже Харбинское восстание в сорок пятом – потому что поняли, что им лучше будет успеть на нашу сторону переметнуться.

– Потому Маньчжурия и не в СССР, – подвел итог Валентин, – хотя Гао Ган еще в прошлом году просился. Но товарищ Сталин сказал – преждевременно! Потому что вместе с территорией попадут в СССР не одиночки, за которыми присмотр можно обеспечить, а несколько миллионов носителей белогвардейской, даже не идеи, а психологии. И что тогда – чистку устраивать, как в Прибалтике в сороковом, массово хватать и сажать, кто по духу «не наши», так время другое, смотреться будет нехорошо. Ну что, докурил – пошли, ждут уже нас!

Погранцам удостоверения показать, вот и все таможенные формальности. И никакого контроля с китайской стороны – если наши «добро» дали, ну а ты еще и советский, при мундире и исполнении! Если тебе интересно – вон их пост, о, желтомордые какого-то желтомордого шмонают, не повезло. Беспаспортным окажется – на «рабский рынок» попадет. А мы тут как белые люди, у нас дела

важнее. О, вон наши машины стоят, у «газона» знакомую физиономию вижу:

– Мазур, здорово! Уже с капитанскими погонами, поздравляю! Товарища Стругацкого тебе представлять не надо. Багаж весь с собой, только личные вещи – стреляющее-взрывающееся к вам тащить через весь Союз это все равно, что в Тулу со своим самоваром. Ну что, погнали – в дороге расскажешь, что нового в батальоне?

Батальон – история особая. Сформирован еще в сорок седьмом, сначала числился как вспомогательный отряд охраны КВЖД, затем как 2-й территориальный батальон провинции Ляонин Маньчжурской Народной Армии, теперь же – как учебный батальон 10-й Новой армии НОАК (не маньчжурские, а китайские вооруженные силы Пекинской области, формируемые Советским Союзом, и подчиненные Мао лишь номинально). А реальное подчинение оставалось одним и тем же – разведотдел ГСВК (Группы советских войск в Китае и Маньчжурии). По замыслу это должен быть аналог нашей ОМСБОН, школы партизан-диверсантов, обученных тактике боевых действий малыми группами, прыжкам с парашютом, захвату объектов в тылу противника. Инструкторы были наши – одни из лучших в Советской Армии. А личный состав отбирали из местных, причем старались искать наиболее сообразительных и грамотных. Трудностей было выше крыши – начиная с того, что новобранцев надо было хотя бы откормить до приемлемых физических кондиций – при том, что обычный, положенный по уставу суточный рацион советского солдата, по китайской мерке, был достаточен для целой семьи дня на три. И здесь, что у Мао, что у гоминьдановцев, рекрутов, как правило, обучали самому мизеру – как заряжать винтовку, чистить ее и стрелять «куда-то в направлении врага», и еще какие-то основы строевой подготовки – а дальше в бой, если не убьют, то как-нибудь сам еще чему-то научишься, а убьют, так нового на твоё место возьмем, людей хватает. Мы же гоняли кандидатов в здешний «осназ» по нашей стандартной программе, не давая спуска, – хорошо что китайцы это очень дисциплинированный народ. И все равно – кто придумал анекдот про обезьяну с гранатой, тот китайского новобранца не видел, при первом метании боевыми подорвались трое – при том, что до того прошли весь положенный курс с гранатами учебными. Нашим инструкторам особым приказом было категорически запрещено геройствовать, «рискуя собой, спасать растяпу-рядового» – звучит цинично, но заменить китайских рекрутов куда легче, чем советских офицеров-фронтовиков.

Мало-помалу стало налаживаться – за три года можно выдрессировать даже обезьяну. Но не научить ее думать – принимать самостоятельные решения, исходя из обстановки, стало проблемой, которую мы так и не смогли обойти. Трусами китайцы не были – когда отрабатывали десантирование, с борта «Юнкерса-52», кто-то дрожал, закрывал глаза, но по команде все без промедления шагали в пустоту, даже мне в свой первый прыжок было страшнее! В итоге же мы имели восемьсот рядовых, вполне прилично выглядевших бы даже в РККА, но на места даже ванек-взводных, удовлетворяющих нашим требованиям, кадров так и не нашлось – любой наш сержант, поставленный на взвод (как на фронте нередко бывало), по тактической подготовке давал фору любому из китайцев. При том, что взводный и даже сержант в диверсгруппе это командир пусть и небольшого, но автономного отряда, принимающий самостоятельные решения и способный при пополнении местным населением успешно командовать и сотней, и двумя сотнями бойцов! На моей памяти так было в сорок четвертом, в Италии, Красные Гарибальдийские бригады – ну а с этими гавриками что делать, и не распустишь же, «мы в ответе за тех, кого приручили». А как их во вражеский тыл, если после учебного десантирования собирать парашютистов на местности пришлось нашим патрулям? Что было, когда мы устроили обкатку, максимально приближенную к реальной – роль охотников-контрдиверсов играл не осназ, а «звери» из полка НКВД, до того успешно бандеровцев гонявшие в Предкарпатье, местность там похожая, такие же невысокие горы, поросшие лесом, – об итогах деликатно умолчу!

Армейские товарищи предложили, не мудрствуя, переформировать эту толпу в штурмовую часть сухопутных войск, наподобие наших ШИСБр. Но тут уперлась уже наша «инквизиция», курировавшая политическую сторону дела. Окончательно было решено считать батальон чем-то вроде элитной (для Китайской народной армии) учебки, из которой мы будем привлекать массовку-подтанцовку, когда в ней возникнет нужда. Восемь учебных рот, и еще расширяемся, скоро придется повышать статус до полка! Однако же, когда начнется – то хорошо обученного расходного материала потребуется много!

Что, эти «студеры» рядом тоже ваши? И пустые пока. Ну вот, старший лейтенант Стругацкий, прямо с поезда включаемся в работу. Я тебе «рабский рынок» обещал показать – сейчас увидишь, что это такое.

Документ 4. Текущее положение в КПК и личность Мао Цзе-дуна. Из доклада на имя И. В. Сталина – под грифом ОГВ, «Рассвет». С пометками, сделанными Вождем самолично.

Коммунистическая партия Китая формировалась в предельно разложившейся стране, что с самого начала обусловило ее сложности в плане идеологии и социального состава ее членов. Ввиду неразвитости промышленного производства, доля рабочих от всего населения в Китае была в несколько раз ниже, чем даже в Турции и Румынии – соответственно, основу кадров КПК составили представители неграмотного китайского крестьянства и очень своеобразной китайской интеллигенции.

(Пометка на полях: – Других кадров в Китае не было!)

Следует отметить, что китайская интеллигенция качественно отличается от интеллигенции европейских стран, США и царской России. Если для европейцев нормой является рациональное познание, то китайское образование, существующее в рамках конфуцианской традиции, создало интеллигенцию, занимающуюся изучением трудов классических средневековых философов, писателей и историков Китая, причем в строго очерченных рамках.

Полного аналога этого в Европе нет и не было – примерный аналог средневековые европейские теологи, активно использовавшие в своих работах логические или псевдологические доказательства в рамках схоластики, но даже такое сравнение не отражает коренного различия между европейскими и китайскими интеллигентами. Если для европейцев норма самостоятельное мышление, пусть и ошибочное, то у китайцев оно категорически запрещено, а все дискуссии сводятся к максимально точному соответствию канону, созданному Конфуцием и несколькими другими патриархами китайской гуманитарной традиции. Именно традиции – наукой, в европейском и русском понимании, это считаться не может, поскольку наука предполагает непрерывное, последовательное познание.

(Пометка на полях: – А вот серьезность этого момента своевременно усмотреть не смогли, искренне считая китайскую интеллигенцию и студенчество подобием русской и европейской, просто с некоторой национальной спецификой.)

Как следствие, это предопределило крайний, доведенный до абсолютного предела догматизм образованного слоя китайского общества. Следует также отметить полное отсутствие в системе традиционного китайского образования, изучения точных наук, не говоря уже о техническом образовании. Это именно догматическое заучивание, с точностью до последнего иероглифа, гуманитарного канона, созданного много веков назад, – ни о каком изменении

этого канона, диктуемом изменившейся обстановкой, согласно китайской традиции, речи быть не может.

(Пометка на полях: – А вот это очень важно! Значит, самостоятельно провести модернизацию страны китайцы физически не смогут – им надо будет сначала обучить десятки тысяч специалистов за границей, а потом наладить доброкачественное начальное, среднее и высшее образование европейского образца у себя в стране! Если никто не сделает им этого бесплатно, то сами они огромные деньги на обучение не найдут!)

Еще одним фактором, обусловившим несоответствие идеологии, существующей в КПК, идеологии мирового коммунистического движения, стал крайний национализм, присущий национальному менталитету китайского народа. Многовековое восприятие своей страны как “Срединной Империи”, окруженной варварами разной степени дикости (еще 300–400 лет назад для таких воззрений были некоторые основания – тогда Китай действительно был экономическим и культурным центром Азии; соседи заметно уступали ему в развитии), к которому добавилась склонность к консервации существующего положения дел, привели не просто к отставанию страны, но к принципиальному отторжению любых новшеств, дополненному не просто категорическим отказом учиться у иностранцев, но и отнесением их к низшим существам, по сравнению с ханьцами.

(Пометка на полях: – А вот этот фактор мы катастрофически недооценили! Надо будет распорядиться о переводе работ этого англичанина Тойнби на русский язык и о включении их в учебные программы наших вузов... И вообще, надо всерьез заняться изучением национальной психологии разных народов – не нравится мне английское слово «менталитет».)

В этом плане довольно показательна политика «Чжэн-фэн», проводимая в КПК с 1941 года по настоящее время. Формально в рамках этой кампании ведется политическая учеба коммунистов. На практике эта «учеба» сводится к заучиванию наизусть работ исключительно Мао Цзе-дуна – не изучаются работы Маркса, Энгельса, Ленина. Исключительно ради соблюдения внешних приличий ученики знакомятся с несколькими статьями товарища Сталина.

Фактически же политика «Чжэнфэн» имеет совершенно иное содержание. Под предлогом несовершенства литературного стиля (!) китайских коммунистов, снизу и доверху, приводят к абсолютному, не рассуждающему повиновению Мао.

На первый взгляд это выглядит полнейшей дикостью, абсолютным иррационализмом – о каком совершенстве литературной формы может вообще идти речь, когда освобожденные районы находятся в блокаде войск Гоминьдана? Не говоря уже о том, что результаты «Битвы ста полков» показали неспособность Народно-революционной армии воевать с регулярной японской армией, – но вместо военного обучения, жизненно необходимого для частей 8-й и Новой 4-й НРА, эти войска переводятся на самообеспечение, занимаясь сельскохозяйственными работами и кустарным ремесленничеством, боевая подготовка при этом полностью свернута.

Особо следует отметить деятельность т. н. «Шэхуэйбу», не имеющую аналогов в мировом коммунистическом движении. Возглавляющий ее Кан Шэн, в свое время тесно сотрудничавший с предателем Ежовым, создал структуру, совмещающую функции политической и военной разведки и контрразведки, Генерального Штаба, Комиссии партийного контроля и ведомства, специализирующегося на внесудебном уничтожении неугодных Мао Цзе-дуну лиц. На практике «Шэхуэйбу» преуспела в выполнении только последнего дела – неугодных уничтожают целыми партийными организациями, десятками и сотнями человек за одну ночь, без суда и следствия. Арестов и следствия, в нормальном понимании этих терминов, «Шэхуэйбу» не практикует – членов партии и беспартийных похищают и пытаются. Именно эта организация является главной движущей силой в проведении политики «Чжэнфэн».

«Центром тяжести» усилий «Шэхуэйбу» в рамках политики «Чжэнфэн» является дискредитация китайских товарищей, твердо стоящих на позициях интернационализма, марксизма-ленинизма. Их травля велась постепенно – сначала товарищей принуждали признать погрешности своего литературного стиля, потом «подводили под это политику», ставя знак равенства между литературным стилем и политическими ошибками, затем подвергали унижительной процедуре раскаяния. Эти репрессии велись снизу вверх – от рядовых коммунистов до членов ЦК КПК. Именно так была раздавлена группа китайских коммунистов-интернационалистов, возглавляемая товарищем Ван Мином (по терминологии маоистов – «промосковская группа»).

С позиции марксизма-ленинизма это полнейший бред – важны дела, способные укрепить революционное движение. Но вот с точки зрения классической конфуцианской традиции действия Мао Цзе-дуна и его клики полностью логичны и оправданны. Под предлогом борьбы за чистоту «канона» дискредитируются «еретики», посмеявшие привнести в «канон» чуждое

китайской традиции иностранное содержание – вся разница с конфуцианской традицией состоит в том, что в нынешней КПК место Конфуция занимает Мао Цзе-дун. Вместо живого творчества масс, являющегося сутью практики марксизма-ленинизма, идет подмена его средневековой традицией Китая, суть которой состоит в бездумном копировании «трудов» «патриарха», в сочетании со столь же бездумным повиновением ему.

(Пометка на полях: – Другой опоры в Китае у нас просто не имелось, а противовес японцам, американцам и англичанам, пусть и такой ненадежный, был жизненно необходим...)

Личность же самого председателя КПК формировалась в среде традиционного китайского общества, в это время уже сгнившего полностью. Его отец был довольно обеспеченным мелким землевладельцем, убежденным конфуцианцем и очень авторитарным по складу характера человеком. Мать же, верующая буддистка, отличалась мягким характером. Сын же с детства был вынужден маневрировать между традицией сыновней почтительности и тихим несогласием между родителями, что обусловило одну из важнейших черт его характера – лицемерное следование установленному порядку, выражавшемуся в неукоснительном соблюдении формальных требований, при неверии в идеалы, как отца, так и матери.

Сам же он всегда следовал своим интересам, добиваясь поставленных целей не прямым отстаиванием своей точки зрения, а разнообразными интригами, манипулированием близкими людьми, игрой на их конфликтах. Судя по его поведению в дальнейшем, Мао на подсознательном уровне принял для себя модель поведения, свойственную его отцу, – установление безусловной личной диктатуры во всех социальных структурах, в которых он оказывался, причем достигалось это за счет изощренного интриганства. В тех случаях, когда это оказывалось невозможно, Мао отказывался от этой структуры, уводя с собой сторонников. Психологически этот человек не воспринимает отношений равенства или своей подчиненности кому-либо – он может быть безусловным диктатором, отрицающим право подчиненных на свое мнение, и только.

(Пометка на полях: – Подробное досье на Мао, вместе с его психологическим портретом, я видел!)[6 - Все вышенаписанное соответствует реальности.]

Аркадий Стругацкий

Лес рубят – щепки летят? Но ведь люди это не поленья в топку?!

Мы верили, что «идем воевать – чтоб землю в Китае крестьянам отдать». А оказалось – что если колонизаторы угнетали и грабили отсталые народы ради блага Англии, Франции, кого там еще – то мы ради блага СССР?

Мы стали другие после этой войны. В сорок первом верили в пролетарский интернационализм и кричали немцам, эй, геноссе, я арбайтен! Поняв, что германским камрадам плевать на классовую солидарность, мы стали сражаться за социалистическое Отечество – и не заметили, как война за существование СССР перетекла в войну за интересы СССР. Как было при царе – «ради расширения пределов Российской империи». Что нужно нам тут, в Китае, на чужой земле?

Здесь – как у нас в тридцать седьмом. Сначала хватали «бывших» и «белых» – шпионов Гоминьдана и прочего американского империализма. Гао Ган и Мао были товарищами-однопартийцами, как у нас Сталин и Троцкий – теперь же вдруг оказалось, что первый это истинный марксист-ленинец, а второй троцкист и правый оппортунист, а что у нас сейчас за троцкизм полагается, от четвертного до высшей? – и была в партии великая чистка, массово разоблачали и арестовывали «агентов Мао» за троцкизм и подстрекательство к мятежу, причем самым частым приговором был расстрел, а не «в Сибирь, в Магадан, на Колыму». А мы, советские, наблюдаем за всем со стороны – ради того, чтобы, воспользовавшись случаем, присоединить Маньчжурию, как девяносто лет назад во время второй «опиумной» войны присоединили Приморье? Может, это и правильно с государственной точки зрения. Но тогда – хотя бы не кричите о коммунизме, так будет честнее!

Старшие товарищи – Смоленцев, Кунцевич, да и сам адмирал Лазарев, – неужели они думают так же? Старшие и по годам, и по опыту, и по заслугам, но иногда просто поражающие цинизмом при взгляде на то, что должно быть святым! В разговоре между собой, в узком доверенном кругу, они не стеснясь называли СССР «Красной Империей», а самого товарища Сталина «государь» – и, по некоторым намекам, это не было секретом ни от «инквизиции», ни от ГБ, – неужели и сам Вождь, тоже ведь ввел же он погоны и обращение «офицер»

вместо «красный командир»? Размышлять о том дальше становилось страшно. И жалко коммунистическую идею.

– Тут иерархия, как в дантовском аду, – благодушно говорил Кунцевич, – мы, советские, выше всех, как небожители, ворота пинком распахнули, свои вопросы решили, так же уйдем. Здешние русские, как и китайцы, работающие на КВЖД и других советских учреждениях, ступенью ниже, но им надо очень постараться, чтобы сюда попасть – поскольку наша прокуратура и Особые отделы всегда разбираются, не имеет ли место попытка дезорганизации работы упомянутых учреждений, и если окажется, что следаки неправы, то палками они точно не отделаются, были прецеденты!

Так же и местным, кто тут давно осел и корни пустил, тоже обычно дел не «шьют», за них община вступиться может, жалобу написать – тоже, если оговор установят, то не будет виновным ничего хорошего! А вот «беспачпортные» это самый бесправный народ – с ними тут, как в Дахау.

Наверное, это была старая китайская крепость, стены толстые, редкие окна, как бойницы. Над воротами был вывешен, как знамя, большой кусок шелка с иероглифами – вот ведь буржуи недобитые, тут бы сколько нашим девушкам на платья хватило, нет чтобы просто на стене написать? Но важная Контора должна быть с роскошно оформленной вывеской, чтобы не потерять лицо. И не ждать ответной любви контингента – при необходимости в здании можно продержаться, когда у противника нет танков или артиллерии на прямой наводке, и штурмуют не «бронегрызы», обученные взламывать даже немецкие УРы. На стук выползает сонный толстый стражник (язык не поворачивается назвать его солдатом) – увидев сразу шестерых Больших Советских Людей, в мундирах и при оружии, тут же меняет выражение морды лица со злующего «как посмели разбудить, ироды» на подобострастное «что угодно господам».

– Вот и проверим сейчас твой язык, старший лейтенант Стругацкий. Скажи этому чучелу, нехай начальника позовет, и живо!

Появляется еще один, более важного вида. Похожий на красного комиссара Гражданской, из-за кожаной куртки (в такую жару!), и маузера в деревянной кобуре, на правом боку. Этот пистолет в Китае был столь же популярен, как был у нас в Гражданскую среди революционных матросов и красных латышских стрелков. В прошлом году в Харбине Стругацкий даже хотел достать себе такой. На что сам Смоленцев ответил:

– А нафиг тебе это чудо? Во-первых, тут подлинное германское изделие завода в Обердорфе найти, дай бог, если один из тысячи, – а прочие это местный контрафакт (слово Стругацкому было незнакомо, но смысл понятен). И хорошо еще, если качество приемлемое, с казенного арсенала, – а попадется кое-как склепанное из паршивого железа, из него стрельнешь, и будешь без пальцев, а то и без глаза. Во-вторых, даже оригинальный С-96, образца 1896 года, это по современной мерке полный отстой, в сравнении даже с ТТ – баланс отвратительный, центр тяжести сильно вверх и вперед, после каждого выстрела здорово прицел сбивает, и быстро не поправить, поскольку ручка, как от бачка унитаза, хват неудобный. То есть часто и метко стрелять нельзя, особенно в автоматическом варианте, если «Астра», М-712 – весь магазин за секунду вылетит, а с десяти шагов в слона не попадешь. И в-третьих, ты прикинь, насколько быстрее в ТТ магазин сменить, чем в этой хрени заряжать из обоймы по-винтовочному? Это еще в начале века было ясно – отчего маузер официально ни в одной армии мира на вооружении не состоял, ну разве что у немецких конных егерей? Да потому, что магазин в рукоятке изобрели лишь на «браунинге» модели 1900 года! В Россию же и китайцам спихивали по принципу «что нам негоже» – хотя для китаез он и впрямь был хорош, с пристегнутой кобурой-прикладом, как мини-карабин. Так и в этом качестве наш АПС или немецкий «парабеллум артиллерийский» ему сто очков вперед дадут. В-четвертых, носить его очень неудобно, если по уставу справа и позади – то руку до подмышки тянуть придется, когда достаешь, длинный ведь ствол. Правильно надо – слева, рукояткой вперед, как саблю на перевязи, или на немецкий манер – «случай, когда жизнь дороже Устава».

Кроме маузера, господин караульный начальник был вооружен саблей (японским син-гунто), а вот бамбуковой палки, что держал в руках первый страж, у него не было – палка полагалась лишь рядовым, а сержанту самому бить не положено, для того у него уже подчиненные есть. Угожливо улыбаясь, кланяясь и придерживая саблю, путающуюся в ногах, он засеменил впереди, приглашая гостей следовать за собой в чрево этого недоброго дома.

Атмосфера гнетущая, хотя криков пока не было слышно. В коридоре на втором этаже трое китайцев в форме били палкой четвертого – судя по мундиру, своего, за нерадивость. Увидев нас, бросили свое дело и застыли столбами, – а наказуемый тут же сполз с лавки и, натягивая штаны, нырнул за угол. Трое палачей лишь взглянули ему вслед, но не преследовали – это было бы сочтено за непочтение к господам советским офицерам.

– Дежурный кто – этот, один из тройки? Переведи – советским угодно забрать тех, кто во «втором кругу» накопились. ...Да, прямо сейчас!

Дежурный промяукал что-то в ответ – Стругацкий перевел, «почтение и повиновение» – и один из китайцев поспешил по коридору, приглашая следовать за собой, второй же бросился туда, куда сбежал битый палками, – наверное, чтобы притащить обратно и продолжить экзекуцию.

– Это что, был гоминьдановский шпион?

– О нет, большие московские господа, этот недостойный забыл сдать как положено изъятые у арестованных ценности. За что и был приговорен всего лишь к тридцати палкам – начальник, господин Ло, был в хорошем расположении духа.

Во дворе стоял тяжелый дух отбросов, нечистот и немытого тела – как бывает при скоплении нескольких сотен нищих бродяг. В дальнем конце обширного двора или плаца, за хозпостройками, торчала труба котельной, из нее шел дым, несмотря на жаркое лето.

– Опять трупы жгут, – сказал Мазур, – слава богу, не эпидемия. Лишь те, кто здоровьем слаб оказался. Тут места на кладбище нет, а уголь дешевый. Эй, ты (обращаясь к сопровождающему китайцу), наш товар кормили?

– Как положено, советский господина, – промяукал тот, – первый и второй разряды, по норме. Ну а третий согласно инструкции!

– Ты смотри! – благодушно произнес Мазур. – Будете этих голодом морить, сами отправитесь туда.

Они смотрели на людей за проволокой как на скот. Стругацкому захотелось закричать: опомнитесь, ребята, это ведь такие же люди, как мы! И сейчас мы ведем себя как эсэсовцы в Майданеке, отбирая кому жить, а кому в газенваген! Даже не ради них, ради нас самих – чем мы тогда будем отличаться от нацистов? Для которых тоже ведь свои были «камрады», а все прочие унтерменши!

Территория, отгороженная проволокой, была разделена на три неравные части. Люди были набиты там, как в загон, под открытым небом, хотя с краю были и навесы от дождя. Первая часть, где посвободнее, и узники там выглядели по-сытее – беглецы с юга, кто заявили, что образованны или какой-то профессией владеют – не кули! А также члены их семей – женщины, тоже тут наличествующие, в таких же бесформенных и одноцветных штанах и блузах, как мужики, только по физиономии и различишь (Кунцевич снова произнес непонятное: «Вот когда стиль унисекс изобрели.») Этих людей должны были передать в местную администрацию, в Департамент по трудоустройству – очень скоро их ждет своя койка в бараке, да не в общем, а «система коридорная» (в каких еще и в СССР в городах приличное число населения живет!), и положенный паек по карточкам, и главное, работа, дающая право остаться в маньчжурском раю, – ну а через пять лет, по закону, в случае безупречной лояльности и поведения, и гражданство вместо вида на жительство. Во второй части были те, кто лишь ожидал решения своей судьбы, – ну а в третьей те, кого однозначно ждала депортация: правонарушители, за это лишенные паспортов, или по иным причинам признанные нежелательными элементами, или же те из беглецов с юга, кто солгали о наличии профессии, или же кто был признан «злостным», за оказание сопротивления полиции или попытку скрыться.

И никто из этих людей не имел за собой конкретной вины – «враги и шпионы» содержались не здесь, а в подвалах. Эти лагеря для перемещаемых лиц, получившие у советских товарищей прозвище «дахау», обычно находились где-то за городом, на отшибе, чтоб не мозолить глаза. И бросали туда людей, виноватых лишь в том, что они бежали от голодной смерти. Если в Японии, даже в самые последние перед капитуляцией дни, был голод, но порядок, «великолепно организованный голод», как писал Ленин когда-то про совсем другую страну, то в Китае уже сорок лет творился ад анархии и террора, когда жизнь человека стоит дешевле, чем патрон, там приговоренных мотыгами забивают, чтобы боеприпасы не тратить. На севере, в Харбине, все же хватало лишь врагов, а безработных без профессии пытались организовать в некое подобие «трудармий», это, конечно, не свобода, но койка, пайка, а главное, жизнь. Здесь же беспаспортных беглецов – которые все без документов, а молодые из глубинки могут даже и не знать, что такое документы! – хватают как преступников, бросают в самый настоящий концлагерь, без всякого суда. Кому-то повезет попасть в первую категорию «общественно полезных», кого-то отберут на сезонные работы или рекрутами в армию, а прочих же, кто не умрет, вышвырнут обратно. И для гоминьдановской власти они, пытавшиеся бежать к коммунистам, будут считаться мятежниками, и всем отрубят головы, или закопают в землю живыми, или заколют штыками.

На плацу стояло подобие трибуны, рядом был подвешен медный гонг, старший из полицейских ударил в него железной палкой, по всему двору разнесся звон, «слушайте все» – сразу воцарилась тишина.

– Переведи им. Вы пришли сюда, чтобы спастись от войны. Но здесь нет на всех ни еды, ни работы – Маньчжурия мала, Китай большой. Потому мы возьмем лишь тех, кто нам полезен. Мне нужны те, кто может стать солдатом. Кто хочет, тот пусть выйдет сюда. Тот, кого мы выберем, получит право остаться в Свободной Маньчжурии, как и члены его семьи.

Толпа заволновалась, как море. Вдоль проволоки выстроились стражники с палками, готовые пресечь возможные беспорядки. Открыли калитки в ограде, и на плац потек ручеек желающих. Китайцы даже предпочтительнее маньчжуров – ведь севернее Стены с тридцать первого года не было ни коммунистов, ни партизан, а был японский порядок, а вот у людей с той стороны вполне могут быть личные счеты с Гоминьданом и желание вернуться, отомстить. Ну и конечно, при всей закоснелости китайского общества, и в нем есть люди, не склонные считаться с авторитетами, не вписывающиеся в привычный круг – этих берем в первую очередь, при условии их вольнолюбия в меру, совсем неуправляемые нам тоже не нужны.

– Проверим их физические кондиции, силу воли и умение подчиняться. Переведи им – всем лечь! Теперь встать! Снова лечь! Встать! Лечь! Встать!

К замешкавшимся подсказывают полицейские с палками, а кого-то, кто так и остался стоять, вытаскивают и швыряют в «третий круг». Люди падали в пыль, вставали, снова ложились. Им еще повезло, что не было луж.

– Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой, – произнес Мазур, – они это еще, строим маршируя, будут петь! Эй, куда потащили? Этого, этого и этого – к нам! Видно же, что старались – а что сил не хватило, откормим!

И добавил, обращаясь к Кунцевичу:

– Мы, по настоянию медиков, облегчили процедуру. Раньше требовали наше стандартное, десять раз «упал, отжался, подпрыгнул, присел» – и в первой партии у двадцати процентов на медкомиссии нашли шумы в сердце. Начмед

нас долго материл и объяснил, что нельзя истощённым людям сразу нагрузку давать, можно «мотор запороть», это ведь не наши кандидаты в осназ, которых из числа как минимум год отслуживших отбирают. Поэтому сейчас проверяем только волю и желание, а физуху будем ставить, когда немного откормим – они ведь многие в жизни досыта не ели. Видите, выдохлись как – а ведь для «бобров» это даже не разминка была бы, а так, тьфу!

Скунс кивнул. Сказал Стругацкому:

– Теперь переведи: выдержавшим – строиться здесь. Членам семей, если такие есть – подойти. Сейчас погрузим и отправим! Переводи – в колонну по четыре, становись! Видишь, старлей, даже этого они не знают. Ничего, откормим, выучим, сделаем из них людей... Ну вот, построились – теперь скажи им, шагом марш!

А когда строй рекрутов уже выползал с плаца в ворота, заметил:

– Что смотришь, товарищ старший лейтенант, словно тебя сейчас стошнит? С души воротит – так ты водочки хлебни, держи фляжку. Не звери мы – просто иначе нельзя. Ты вот образованный – арифметике обучен? Тогда считай.

Тут в Маньчжурии, по японской еще переписи, 25 миллионов собственно маньчжур – хотя многие из них успели окитаиться так, что даже язык забыли. Миллиона три японцев, корейцев и русских. И 17 миллионов китайцев – из которых примерно половина это «гастарбайтеры», даже без семей. С первыми двумя категориями понятно – наш народ, с которым будем работать. А вот с китайцами сложнее. Кто тут осел капитально и профессию имеет – с теми тоже все ясно. А неквалифицированных и безработных куда – их ведь мало того что не прокормить, так еще и горючий материал? Это ведь не выдумка, что «агенты Мао», есть у него такая поганая контора, «шэхуэйбу», ну это как СБ у бандер – пытались тут беспорядки устроить, давить пришлось жестоко, а что делать? Ты ведь политику партии должен знать: социализм нельзя принести на штыках. И мы тут не империю расширяем, а, как сказал товарищ Сталин, помогаем товарищам, выбравшим социалистический путь развития. Но по этому пути они должны пройти сами – как в гимне поётся: «Добьёмся мы освобожденья своею собственной рукой», они еще это в строю будут петь, маршируя!

Несправедливо, говоришь, так произвольно определять, кому жить, а кому наоборот? Мне это тоже не нравится, а что делать? Сложить лапки и надеяться, что само образуется? Так ведь не образуется – империалистические хищники не дремлют и нашей слабостью обязательно воспользуются. А в интересах дела вытаскивать тех, кто нам полезен. Знаешь, как на подводной лодке, если в отсеке пожар и есть пострадавшие, помогают тем, кто может встать и бороться за живучесть. Потому что не справимся с огнём – все погибнем, а справимся – сможем помочь и лежачим. Так и здесь – тех, кого мы сейчас вытащили, не просто кормить будем, а учить. Чтобы они, став сильными и умелыми, сами вытянули остальных. С отбором – кто годится в коммунары, «иди к нам, ты нам подходишь», тот в новую жизнь с нами и пойдет.

Спрашиваешь, можно ли палкой к счастью гнать? Блин, а как еще по-иному – уговорами, объяснениями? Если ты точно знаешь, как надо. Какая к чертям демократия может быть на войне? Или когда пожар надо тушить? И враги кругом? Или не враги – тут ведь раньше китайцы маньчжур окитаивали, кто не станет, как мы, веру и язык предков забыв, тому жизни не будет – ну а как здесь Гао Ган сел и своих наверх тянет, тут такие разборки начнутся, если мы отсюда уйдем! И неизвестно еще, кто кого и с каким счетом!

Время сейчас такое – мы, СССР, единственная надежда мирового коммунизма. И помогать должны в первую очередь тем, кто уже с нами в строй встать готов, ну а прочим, как получится! И уж тут ничего не поделать – кому жить, кому умирать. Зато правое дело Ленина – Сталина останется. Когда нас с тобой уже не будет.

Есть еще вопросы, старший лейтенант Стругацкий?

Ли Юншен, рядовой Особого батальона

Я, Ли Юншен, из уезда Синьсян провинции Хэнань, третий сын почтенного Ли Вэйдун. Наша семья была крестьянами, но отец сам пытался сдать уездный экзамен и готовил к этому нас. Чтобы в нашей деревне с почтением говорили, вот идет достойный Ли Вэйдун, у которого трое грамотных сыновей. А если бы кому-то из нас удалось занять место уездного чиновника, наша семья стала бы самой уважаемой в деревне!

Учитель в школе говорил – самое страшное проклятие, чтоб ты жил в эпоху перемен! Которые начались еще до моего рождения, – а вот отец, и даже старший брат Ли Чжиган еще помнят времена, когда в государстве был покой. Но не стало законной власти, и каждый главарь разбойников возомнил себя равным императору! И страшная смута охватила весь Китай!

Моя мать, достойная Ли Яньлинь, умерла от черного мора. Затем пришли проклятые японские дьяволы, сожгли дом, бывший жильем нашей семьи уже много поколений. А также еще половину домов в нашей деревне, ради устрашения. Мою сестру Ли Чанчунь японцы изнасиловали толпой, а затем вспороли ей живот. Отец, как один из самых почтенных жителей деревни, обратился к японскому офицеру с увещеванием – с подобающей вежливостью спросил, за что карать безвинных и безоружных? В ответ проклятый самурай отрубил голову моему несчастному отцу.

Мой старший брат, Ли Чжиган, погиб через год, сражаясь в войске правителя провинции Хэнань. Он хотел воевать с японцами, но ему сказали, что сначала надо разобраться с шакалами из соседней провинции. Было жестокое и славное сражение, хотя я не знаю, кто в нем победил. Но брата после не оказалось среди живых.

Средний брат Ли Хэпин был угнан в обоз носильщиком. С тех пор прошло десять лет, и я не знаю, что с ним стало и жив ли он сейчас.

А я был взят в солдаты. Отчего у нас в Китае быть солдатом это самое последнее дело? Так кто станет украшать бамбуковую палку, которую проще выбросить и вырезать новую взамен? Хозяин заботится о скотине, потому что она должна жиреть и плодиться, а солдата не жалко, напротив, солдатское сословие для того и предназначено, чтобы вбирать в себя человеческие отбросы и сжигать, как мусор в печи. Да, я хотел отомстить японским дьяволам, но не понимал, при чем тут армия, где я работал, как обычный поденщик, и еще прислуживал господам офицерам? Я дезертировал, и за несколько лет успел побывать под знамёнами ещё двух генералов и пяти командиров отрядов, которых иные называли бандами. Пытался осесть на землю, но год выдался засушливым и урожай маленьким – помещик был зол, всё отобрал, а меня прогнал, угрожая убить. Я нанимался на работу, какая бы ни была – и случалось, что мне после не платили обещанного, но хотя бы кормили и давали крышу над головой. А это тоже немало – хотя бы на время не думать, что ты будешь есть сегодня и где укроешься от ненастья. Эпоха перемен, время смуты проносилось над Китаем – и

никто не мог знать, что с ним будет не то что через год, но даже через месяц или неделю. Я просто шел туда, где казалось, легче выжить. И мне везло, меня пока не убили. Хотя сколько раз я был бит плетьюми и палками, не помню уже и сам!

Мне сказали, что в Маньчжурии порядок и закон. Раз так, там есть и работа. На пограничной станции полицейские спросили паспорт, у меня его не было, тогда меня схватили и бросили в тюрьму. Там у меня спросили, откуда я, где бывал и что умею делать, а потом чиновник сказал, что раз я был солдатом, то мне одна дорога – в Народно-освободительную армию Китая. Тогда я ещё не знал, что это такое, и не хотел туда идти, но чиновник сказал, что выбор у меня или служить, или отправиться назад на юг.

И добавил – разве ты не хочешь отомстить за братьев, отца и сестру? Так я, сам того не ожидая, оказался новобранцем у русских.

В войске какого-нибудь генерала меня внесли бы в списки (по которым, как считалось, мне должно идти жалованье, которое я однако почти не видел), кинули бы какие-то тряпки, считающиеся за мундир, спросили, умею ли обращаться с оружием, и если нет, то показали бы, как заряжать и чистить винтовку, сказали бы, это ваш начальник, подчиняться ему, – а дальше все зависело от этого начальника свирепости; лучше всего было, если оное важное лицо вспоминало о нас поменьше. Здесь же нас всех первым делом наголо обрили и заставили вымыться – назвав это «санобработка». Потом нас (совершенно бесплатно!) осмотрели русские врачи, отбирая тех, кто совершенно здоров. Но, к нашему удивлению, больных и увечных не выгнали – их лечили и записали в служители при гарнизоне («нестроевые»). Выдали вполне приличную, чистую форму и такие же сапоги. Казарма тоже была гораздо лучше того, к чему я привык – нигде не текло и не дуло, было сухо и чисто, и у каждого из нас койка была своя!

Нас кормили так, как я не ел никогда в жизни, даже в давние благословенные времена в родительском доме. Но есть все равно хотелось, поскольку многие часы мы проводили в изнурительных упражнениях, укрепляющих тело и дух, прерываясь лишь на еду! В тех «армиях», где мне прежде пришлось побывать, вся служба сводилась к тому, что прикажет любой из господ офицеров, – а если ты не попадался никому из них на глаза, о тебе могли не вспоминать вообще. У русских же несение службы начиналось с команды «подъем», по которой надо было одеться и собраться строем быстро, как при нападении врага,

задержавшихся на койке сержанты стряхивали силой. Нас выгоняли на плац, где мы в любую погоду бегали кругами вокруг казарм, причём сержанты, вот удивление, не приказывали, сами стоя под крышей, а бежали вместе с нами! И это было для них как развлечение – они оказывались везде, то в голове строя, то сбоку, то в конце подгоняли пинками отстающих. Удивительно, но они не только наказывали нерадивых, но и поддерживали ослабевших, которых поначалу было много. И они учили: «Один за всех и все за одного» – это было, когда после состязались между собой разные подразделения, результат считали по последнему. А за проступок одного отвечал весь десяток – когда-то учитель рассказывал, так было в войске Чингисхана, покорившего почти весь мир! В нашем отряде были люди из разных провинций, плохо понимающие речь друг друга, – но это не имело значения, так как мы обязаны были очень скоро выучить русские команды – смирно, равняйся, упали-отжались, куда прешь, урод, хальт, ферботен, гельб эффе! Наверное, Россия очень большая страна, раз там различные диалекты отличаются настолько сильно? Нашим взводным командиром был Товарищ Старшина Ковальчук – когда он был в добром настроении, я его об этом спросил. Он рассмеялся и ответил:

– Ну ты сказал, морда нерусская! То мы, а то фрицы – инструкторами, из вольнонаемных. Тебе еще повезло – а во второй роте есть такой оберфельдфебель Вольф, так это зверь! Про него говорят, дай ему сотню мартышек, через месяц они у него будут все строем ходить и по приказу дышать!

И добавил, чуть подумав:

– Хотя, если теперь вместе в бой пойдем... А ведь ты прав, что мы, что Фольксармее, один черт! Так что считай, как у вас есть «северные» и «южные», то у нас мы, Россия, и «сильно западные», это которые фрицы.

С нами проводили «политработу» – русские офицеры, даже не сержанты, рассказывали, что в СССР нет помещиков. Государство предоставляет землю деревенской общине (русские называют это «колхоз») и за это требует даже не отдать, а продать заранее установленное количество продуктов по твёрдой цене («план»), остальной же частью урожая крестьяне вправе распорядиться самостоятельно, ну кроме совсем небольшого налога. Если же государство строит дамбы или каналы, то не сгоняет на это крестьян, а нанимает за деньги. А ещё русские крестьяне могут купить или взять в аренду трактор. Это как танк, только он тащит плуги, сразу несколько – как десять быков, и быстро – человеку не угнаться. Когда надо вспахать большое поле, это очень выгодно. Теперь

колхозы создают и тут, на территории председателя Гао Гана, а вот на юге, что у Мао Цзе-дуна, что у Чан Кай Ши, земля остаётся у помещиков, которые берут за неё двойную плату – и для себя, и для правителя, и ещё любой воинский отряд может реквизирует то, что хочет для своих нужд. И кто будет с нами, тот после войны заживёт, как русские, сыто и справедливо! Это было настолько хорошо, что даже не верилось. И как я сказал, будущее после войны казалось нам слишком далеким, чтобы строить планы.

Но главное, нас учили искусству войны. Нам доверили оружие, и даже не винтовки, а автоматы ППС – до того, как стрелять из них, нас досконально учили их собирать и разбирать, чистить и смазывать. И сержант давал нам тумаки за нарушение правил – никогда не смей направлять оружие на товарища, не держи палец на спуске, если не собираешься стрелять (и даже не касайся его при сборке-разборке) и всегда относись к оружию как к заряженному. Зато у нас не было и несчастных случаев, какими изобиловала служба в армии любого «генерала» – погиб по своей или чужой глупости, тело закопали и забыли, виновнику (если жив) палки. Затем мы стреляли, сначала в спокойной обстановке, как в тире, затем в перебежке, в переползании, по внезапно появляющимся или движущимся мишеням. Стреляли настоящими патронами – я сбился со счёта, сколько раз, но точно знаю, что больше, чем за все свои прошлые службы. Ещё мы кидали настоящие гранаты – я подумал, что русские настолько богаты, что для них боеприпасы не имеют никакой цены, но сержант объяснил, к нам щедры потому, что хотят из нас сделать победителей. Нас учили закапываться в землю, как кроты, и ползать, как ящерицы, причём надо было пролезть под колючей проволокой, натянутой низко-низко, а над головой стрелял пулемёт, так что мы слышали жужжание пуль. Нас учили быстро, всем отделением или взводом, преодолевать препятствия – рвы, стены и, конечно, ту же колючку, причем условно «под током». Нас учили противотанковой обороне – как сидеть в окопе, на который наезжал танк, ревущий, как дракон, и сотрясающий землю, пропустить его над собой и бросить ему вслед деревянную гранату. Нас учили танковому десанту – удержаться на танке, когда он нёсся по полю, раскачиваясь, как лодка на бурной реке, а по команде спрыгнуть. Причем сначала мы делали это налегке, а после в полной выкладке, надев поверх рубаш «разгрузки» – специальные жилеты с карманами под магазины и гранаты. Командиры клали туда камни и железо, чтобы мы привыкали к тяжести.

– Запомните, салаги, патронов много не бывает, – говорил Товарищ Старшина Ковальчук, – их или просто мало, или «мало, но больше не поднять». Как в бой пойдешь, так сам туда железа наложишь и на себя прицепишь, кроме саперной лопатки и магазинов к АК. Самое лучшее, конечно, это пластины от «номер

пять», штурмового снаряжения, которое по уставу лишь «бронегрызам» положено, – и даже они надевают непосредственно перед атакой, чтоб себя не изнурять. Зато держит не только осколок, но и пулю из пистолета или шмайсера с пяти метров, винтовочную где-то с полусотни. Более легкий, доспех «номер четыре», он же «пехотный», в нем, как привыкнешь, можно и подолгу в обороне сидеть, или от своей траншеи до вражеской, особенно если тебя БТР доставит до рубежа атаки. А вам дадут «номер три», он же «десантный» – жилет из одной бронеткани без пластин, наплечников и набедренников тоже нет – зато в таком виде не тяжело и в дальний рейд, пехом по лесу, по горам. Но люди опытные стараются детали от «четверки» или даже «пятерки» еще навесить – лучше уж вспотеешь, чем санбат или похоронка!

СССР это очень богатая страна, раз не скупится даже на своих солдат? В войске какого-нибудь «генерала» мне бы выдали ржавую винтовку (или даже бамбуковую палку, если сочли бы «нестроевым») и потрепанный мундир, нередко с характерными дырками и следами крови. Если повезет, могли добавить и ботинки. Причем за все это имущество непременно удержали бы из жалованья. А у советских мне, помимо обмундирования и обуви (новых, неношенных!), выдали еще стальную каску, уже упомянутый и очень удобный жилет, вещмешок, саперную лопатку, флягу, аптечку, туалетные принадлежности, железную кружку и «неприкосновенный запас» продуктов: сухари и банка тушенки. Правда, съедать это без дозволения командира запрещалось. Ну и, помимо всего этого, за каждым из нас, кроме автомата ППС, числились противогаз, противоипритный резиновый плащ и бронежилет «номер три», но до времени хранились под замком.

– Кто на своей армии экономит, тот будет тратиться на армию чужую, когда его победят и захватят, – сказал Товарищ Старшина Ковальчук. – И запомни, что ничего лишнего у тебя в мешке нет! Эх, салага китайская, не знаешь ты, что такое в окружении, а я с сорок второго на фронте, и это пережить успел! Ты учись и запоминай – если хочешь домой вернуться. И вообще, наш Суворов говорил – «тяжело в ученье, легко в бою»!

– Это как наш Сунь-Цзы, господин сержант?

– Бери выше! Суворов за всю жизнь сражался с турками, шведами, поляками, французами – и не проиграл ни единого сражения, при том что в большинстве из них враг превосходил его армию числом! Его «Науку побеждать» у нас офицеры изучают. А ваш Сунь-вынь скольких победил?

Достойный человек не может быть солдатом? Русские смеялись над этим и говорили – кто так считает, пусть не жалуется, когда придут враги, сожгут твой дом, убьют твою семью – а ты не сможешь их защитить. А у советских другое правило – не тронь наших, или умрешь! И спрашивали, что нам нравится больше? Через три месяца, когда мы втянулись в службу, – возвращаясь с полигона, после занятий на полосе препятствий, со стрельбой боевыми патронами, мы уже свысока смотрели на бегавших вокруг казарм новичков, которым пока не доверено оружие! Нас уже не под окнами гоняли, а могли внезапно поднять ночью и вывезти далеко, в горы и лес. Мы вели учебные бои, отряд на отряд, иногда даже со стрельбой друг в друга безвредными красящими пулями – или должны были пройти мимо постов и патрулей. И что-то изменилось в нас самих, мы больше не ощущали себя «кули войны», обреченными рано или поздно быть убитыми – нас учили убивать и побеждать, и мы были уверены в своих силах. Наверное, это же испытывали воины-монахи после Посвящения, пройдя «лабиринт смерти» и получив татуировку бойца.

Мой отец говорил мне когда-то – у кого учиться, гораздо более важно, чем чему учиться. Потому, когда мне и еще нескольким, кто считался лучшим в нашей «учебке» – так называли русские отряд, где мы служили, что было для меня еще одним потрясением, выходит это всего лишь школа для новичков, а не отряд воинов? – предложили выбор, под чьим начальством продолжить службу, я выбрал тех, кто, как мне показалось, наиболее заботился о своих людях. Кто учил нас – «не смей погибнуть по дурости или неумению – и товарищей подведешь, и приказ не исполнишь. Тебя Отечество учит и кормит, для того чтобы ты побеждал».

Значит, такой начальник, заботясь о своей жизни, будет беречь и наши. Может быть, моя жизнь стоит дешево. Но для меня она очень дорога.

Эрвин Роммель, командующий Фольксармее – газете «Берлинер Цайтунг», по поводу французского требования к ГДР наконец подписать Акт капитуляции перед Французской республикой, по итогам Второй мировой войны

Что, и эти когда-то успели нас победить? Да, не подскажете, с кем они воюют после уже шестой год – в Европе меньшего времени хватило, чтобы всю посуду переколотить? С Вьетнамом – не знаю такой великой державы! Но, наверное, это сильная держава, раз Франция, сама заявляющая о статусе таковой, уже

получила оттуда гробов больше, чем за всю кампанию сорокового года, а конца не видно! Интересно, если бы Вьетнам граничил с Францией, лягушатники уже сдали бы Париж?

Что, мы якобы обещали это еще тогда? Так французы тоже многое обещали, например, провести референдум в Лотарингии и эльзасском Бельфоре! Как мы честно провели, в Австрии, Силезии, Судетах, в остальной части Эльзаса – кому-то страшно, что и лотарингцы точно так же выберут фатерлянд? Однако же пока что я вижу, что всех, кто заикнется, что «Бельфор это не Франция», французская жандармерия хватает и бросает в тюрьму без всякого суда.

В их Национальном Собрании опять говорят о «естественной границе по Рейну»? И что мы сами даем повод, поскольку формально между Францией и ГДР не подписан мирный договор, а лишь перемирие? Что ж, месье – Фольксармее к вашим услугам! Только пусть на этот раз президент и прочие дождутся нас в Париже, а не спешат удрать в Англию. А то выйдет невежливо, мы-то придем, дорогу еще не забыли – а хозяев дома нет!

Где это видано, чтобы одна из великих европейских держав, в число которых без сомнения входит и ГДР, капитулировала перед государством уровня Вьетнама? Или даже еще более слабым, раз не может его победить?

Где-то в США. 4 июля 1950 г.

День Независимости – самый великий американский праздник! Фейерверки, парады, карнавалы, шествия, концерты, ярмарки. Хотя в том далеком 1776 году, Джон Адамс написал, дословно: «Второй день июля 1776 года станет самым незабываемым в истории Америки». Ответ прост – 2 июля джентльмены приняли решение, на закрытом для посторонних заседании Конгресса, а через два дня объявили о том во всеуслышание. Ведь судьбоносные решения никогда не принимаются на публике! Серьезные люди свои серьезные дела предпочитают творить в тишине.

«Первый толстяк владел всем хлебом в стране, второй – углем, третий скупил все железо». Юрий Олеша в своей детской книжке был в принципе прав – ну в чем различие, что Больших Людей в такой стране, как США не трое, а побольше? И им вовсе не обязательно каждому владеть монополией на один товар – зачем,

если есть пакеты акций на фондовой бирже? И, в отличие от карикатурных капиталистов с плакатов «Окон РОСТА», у них не было подвалов, набитых мешками с золотом – капитал должен быть в обороте, приносить прибыль!

Прибыль была Богом, в которого верили они, искренне называющие себя добрыми христианами. Но лишь в Средневековье воевали за распространение христианской веры. Сейчас же высшей целью было – получить наибольшую прибыль. И если для этого надо было разрушить целые страны, убить миллионы людей – вопрос был, насколько выгодно это будет нам?

– Китайский проект не продвигается, – сказал Первый, на вид лощеный джентльмен, представляющий финансистов Новой Англии, – но исправно поглощает деньги наших налогоплательщиков. И что еще хуже, времени нет и у нас. Выводы моих аналитиков однозначны: без новых рынков сбыта, нас ждет как минимум резкий экономический спад, как максимум новая Депрессия! А рынков нет: Латинская Америка себя уже исчерпала, Восточная Европа потеряна, африканские негры ленивы и бедны – расклад по миру в докладе, с которым вы, джентльмены, уже ознакомились. И все это следствие «недопобеды» в войне, итогом которой предполагалось не только прямая добыча, захват чужих активов, но и установка для всего мира наших правил игры, а доллара – единственной резервной валютой. Простите, что повторяю эти азбучные истины, – но вопрос сейчас стоит так: или мы резко сорвем банк, решив наши проблемы, или эти проблемы нас утопят! Маньчжурия и Корея кажутся наиболее легкой добычей: полагаю, там у Советов менее сильная позиция, чем в Европе? А кроме того, существует Договор с Китаем от 1922 года, пока не отмененный – согласно которому, державы (в списке которых СССР нет) имеют равные права с китайским правительством, на всей территории Китая, к коей по международному праву принадлежит и Маньчжурия! Надо всего лишь восстановить законный суверенитет генералиссимуса Чан Кай Ши над всей китайской территорией – и осваивать «China utile», «Китай полезный». Предполагалось, что это случится еще два года назад – если я не ошибаюсь, Чан Кай Ши, начиная войну в 1946 году, обещал, что разобьет коммунистов за год-два, и где это? Мне надоело слушать каждый раз – «осталось совсем немного, победа уже близка». Дьявол меня возьми, мы поставили этой макаке военного снаряжения на сумму, сопоставимую с ленд-лизом в Англию в ту войну! И где результаты наших вложений?

– Коммунисты фанатики, это общеизвестно, – заметил Второй, толстяк с сигарой, похожий на карикатурного буржуя, в изображении советских плакатов,

промышленный барон Среднего Запада, военные заводы Детройта и Чикаго, – а у нашей макаки плохо с боевым духом. И кроме наличия оружия, важно еще и умение его применять. Кроме того, особенности местности не позволяют использовать техническое превосходство. Боеспособной авиации у макак фактически нет – как еще назвать аварийность шестьдесят процентов, в небоевых условиях? Нет танковых частей – в лучшем случае есть отдельные, обученные нами, экипажи. Артиллерия не умеет ни взаимодействовать со своей же пехотой, ни стрелять с закрытых позиций. Налицо лишь огромное количество пешего мяса, обученного на уровне, в лучшем случае расходного материала прошлой Великой войны. Мои люди побывали на фронте – согласно их донесениям, там невероятная комбинация из «странной войны» тридцать девятого года и верденских батальон за избушку лесника. Разница лишь в том, что во втором случае сторонам приходится пополнять истраченное пушечное мясо – которого в Китае пока еще много. Так воевать можно до конца века – пока не закончатся китайцы!

– О чем речь, – согласился Первый, – и сколько еще мы намерены это терпеть?

– Конкретные предложения? – вступил в беседу Третий, похожий на ковбоя, и в самом деле сколотивший состояние на техасской нефти и торговле скотом. – Наш Дуг бьет копытом и клянется, что если дать ему полную свободу, он выметет всех комми из Китая железной метлой! Мне кажется, он искренне обижен, что первым полководцем Америки считают «Айка» Эйзенхауэра, а не его. «Айк вымел гуннов из Франции, поскольку ему никто не мешал – как мне, так же вышвырнуть коммунистов и русских из Китая».

– С русскими пока рано, – сказал Второй, – далеко не факт, что мы останемся в прибыли после большой драки. Наше превосходство не столь велико, чтобы победа была не чересчур затратной. И это при условии, что у Советов нет туза в рукаве.

– А при чем тут это? – удивился Первый. – Джентльмены, а вам не кажется, что война между нами и Россией уже идет? Просто и мы и они воюем «по доверенности», если можно так сказать: от нас макака Чан, от них макака Мао. И в случае полной победы, наша макака Чан, усилившись до всего Китая, бьется уже с новой русской макакой, кто там в Маньчжурии сидит? А после и Корею можно так же, и Монголию, отчего нет? Мы ни при чем – мы лишь смотрим, запасшись попкорном.

– Было уже, – сказал Третий, – в тридцать девятом, желтомордые попробовали так с Монголией. И что вышло?

– А мы не япошки, – ответил Первый, – русские не посмеют! В конце концов, можно заключить договор – белые господа не вмешиваются в драку макак? И высокие принципы гуманизма привлечь, в обоснование. О нерасширении пространства конфликта и блокаде поставок оружия воюющим сторонам, как это в Испании было, хе-хе!

– Если я правильно понял, мы сейчас обсуждаем именно наше вмешательство, – произнес до того молчавший Четвертый, с военной выправкой, но не кадровый военный, а представитель деловых кругов Западного побережья. – И пока я не услышал, как вы это представляете? Китай огромен – японцам не хватило миллионной армии, чтобы его покорить. Вы собираетесь в Штатах объявлять мобилизацию? Чтоб воевать с китайскими красными – против которых мы уже пять лет слали помощь нашей макаке. Возникнут неудобные вопросы – куда все это делось и кто виноват?

– Поддерживаю, – заметил Второй, – и простите, вам французских шишек мало? Что ответили немцы на французское требование в ООН – вся Франция в истерике, однако колбасники абсолютно правы, цинично говоря. Увязнув во Вьетнаме, французы расписываются в собственной военной немощи, подрывают свои финансы и экономику, как на полноценной европейской войне – и что существенно, уже не могут из этого болота вылезти, это будет уже собственным признанием своего позора и бессилия. Кстати, я так понимаю, мы туда влезать пока не намерены?

– Не намерены, – подтвердил Третий, – довольно пока с французов нашей материально-технической помощи, за которую они платят, пока. А как не смогут, тогда...

– Но я вспомнил про Вьетнам по другому поводу, – сказал Второй, – вам не кажется, что для нас существует такая же угроза увязнуть в Китае? У макаки Мао, надо признать, очень хорошо выходило организовывать партизан, не хуже, чем у русских. А у макаки Чана отчего-то не получалось с повстанцами бороться – могу предположить, что даже заняв всю «красную» территорию, он столкнется с еще большей проблемой. Тараканов давить легче, когда они открыто собрались в кучу, чем когда расползлись и попрятались по углам. Ну и как вы видите нормальный рынок и работающую экономику – в стране, где за

каждым углом повстанцы?

– Значит, надо накрыть всю кучу разом, – заявил Первый, – одним большим тапком, джентльмены. Вы знаете, каким!

Повисло молчание.

– Если я правильно понял, речь идет о «столице» Мао, Сиани? – наконец спросил Второй. – Положим, китайцев не жалко, их в тридцать первом году в наводнение утонуло четыре миллиона, в тридцать восьмом еще миллион. Но там ведь есть и советская миссия, черт побери, сколько – сто, двести человек? Вы Третью мировую войну хотите развязать?

– А сколько американских парней погибло на «Пэней» в тридцать седьмом? – рявкнул Первый. – Мы что, после объявили войну япошкам? Мы ведь тоже можем разозлиться – или Джо так хочется получить Бомбы еще и на Москву, на Ленинград? Дипломаты отпишутся, не впервой. Можно, в конце концов, что-то русским после и уступить за это.

– Если в игру не вступит «фактор Икс», – произнес Второй, – и тогда, если он действительно существует, нам останется лишь молиться. Гитлер ведь тоже, наверное, считал, что у него все козыри на руках?

– Если он существует, – задумчиво повторил Третий – за пять лет не удалось раскопать ничего определенного, ни одной прямой улики. А ведь такие люди работали, столько потратили... И улов – лишь что-то косвенное, только вероятность вроде бы логичной гипотезы – но остающейся лишь таковой. Может, все же мы имеем дело с грандиозным блефом Джо?

– Насчет «Икс» есть интересное предложение, – сказал Первый, – джентльмены, я тут имел беседу с мистером Даллесом-старшим. Он предлагает провести эксперимент, для добычи информации, так сказать, разведку боем. Поскольку предполагается, что «Икс», то есть потомки, пришельцы, кто там еще, вступают в игру лишь при значительной и реальной угрозе для русских. Они же не вмешались 22 июня? Значит, не ударят немедленно и здесь. Но будет какая-то активность по подготовке их вмешательства, особенно со стороны тех, кто их клиент на этой стороне. А мы проследим – может, что-то и заметим, и вытянем!

– Дергать тигра за усы? – спросил Второй. – Как знаете, но я против. Уж очень плохо кончил предыдущий экспериментатор!

– А я «за», – сказал Третий, – приведенные доводы, что «Икс» не вмешается, по крайней мере немедленно, мне кажутся очень весомы. В то же время неопределенность в таком вопросе сильно мешает разработке дальнейших стратегических планов. Думаю, что для Америки жизненно важно установить, что собой представляет этот фактор... экспериментально, если уж не остается другого столь же надежного пути. Придется, правда, смириться с некоторыми потерями в эпицентре вмешательства «Икс», если таковое произойдет. И внутривластной реакцией на это здесь, в Штатах. В Сенате, Конгрессе, в прессе и на бирже.

– Все будет подано как инициатива генерала Макартура, злоупотребившего властью и доверием, – ответил Первый, – в крайнем случае придется пожертвовать мистером Джоном Ф. Что до президента, то полагаю, возможно его убедить, чтобы он хотя бы не мешал? В конце концов, что мы теряем? Дуг явно заигрался и грезит о триумфальном прибытии в Штаты, подобно Цезарю. И если он вместо этого окажется по уши в дерьме – кто-то против, джентльмены? Не хотелось бы прибегать к крайним мерам – дурака не жалко, но зачем создавать опасный прецедент?

– Русские? – заметил Второй. – Вы уверены, что сохраните ситуацию под контролем?

– Джо не решится, – заявил Первый, – это единогласное мнение моих аналитиков. Не самоубийца же он – при всем уважении к его армии, мы можем достать его с баз в Англии, а он нас нет! В воздухе он слабее нас в разы!

– Но начинать сразу с этого? Если уж задумали эскалацию, шаг за шагом, наращивая давление. Чтоб как вы сказали, определить, на каком уровне «Икс» вылезет на свет.

– Так задумано, – сказал Третий, – причем, кроме весьма вероятного снятия с доски мешающей нам фигуры, Мао, будет и другой, благоприятный для нас результат. Джентльмены, вы уверены, что макака Чан не начнет при случае свою игру? Мои аналитики составили картину – да, он подчиняется нам, но из этого вовсе не следует, что он нас любит. И согласитесь, что быть правителем

независимого государства привлекательнее, чем полуколонии. То есть, одержав победу, он будет всячески стараться уменьшить в Китае наше влияние и увеличить свое. И будет весьма полезным продемонстрировать и ему, что мы можем сделать с непокорными. И не только ему – все-таки применение Большой Дубинки на полигоне, даже в присутствии журналистов, и в реальных условиях, это несколько разные вещи? Первое демонстрирует лишь техническую возможность, зато второе и политическую волю нашей страны! Так что я «за», в ограниченном количестве, разумеется. Как говорится, один раз еще не...

– Я тоже «за», – сказал Четвертый, – есть еще и внутривнутриполитический фактор. Нашей молодой и растущей атомной промышленности нужны заказы, которые пока мы можем лишь от государства получить, ну не корпорациям же изделия продать? Но для того, как уверяют наши друзья в больших погонах, нужна успешная демонстрация по реальной цели, а то наверху интересуются, насколько эффективно потрачены деньги налогоплательщиков, вложенные в «Манхеттен». Что мы теряем, черт побери? Как тут правильно замечено сколько этих желтомордых в наводнение утопло – и что, кто-то делал из того трагедию? И помнится мне, было такое джентльменское соглашение между державами, включая сюда и русских, – что против макак дозволено больше, чем против цивилизованного противника? Отчего макаронники могли травить каких-то абиссинцев, а нам красных макак нельзя? Ну а русские, кому не повезло – спишем на превратности войны, в конце концов, и «дружеский огонь» бывает, оказались не в том месте и не в то время?

– Но я понял, в плане и наше наземное участие? – спросил Второй. – И сколько американских парней запланировано в «приемлемые потери»?

– А мы не собираемся оккупировать весь Китай, – ответил Первый, – всего лишь один смертельный удар в сердце, по «шверпункту», после которого у врага рассыпается вся позиция. А дальше пусть разбираются «сипаи» макаки Чана. И нашему ударному танковому кулаку, который после будет тотчас же выведен из Китая, мы обеспечим авиаподдержку, на уровне как в Европе сорок четвертого! Так что наши brave американские парни всего лишь по-быстрому скатаются в далекую экзотическую страну, там немного постреляют в плохих парней, и вернутся домой с победой. Меня больше беспокоит наш Бешеный Дуг – он ведь после обязательно полезет в большую политику, с лаврами великого полководца! Нам нужен в Белом доме непредсказуемый и неуправляемый псих?

– Управимся, – сказал Четвертый, – прецеденты были. И Дуг о них знает. Но его амбиции это проблема даже не завтра, а послезавтра. Вы уверены, что удержите ситуацию под контролем – и Дуг не прикажет бомбить Харбин или даже Владивосток?

– Бомбами распоряжаться он не будет, – ответил Первый, – и Дуг, конечно, бешеный, но думаю, даже ему не понравится отставка с позором без пенсии и погон?

– Дуг в одном абсолютно прав, – заметил Третий, – русских надо придержать. Припугнуть Бомбой – приставить пистолет к животу. Ну а что он не заряжен, знать никто не будет. Подобно тому, как сами русские в сорок пятом обманули и япошек, и нас с «моржихой» – есть версия, что там был лишь макет?

– Или все-таки еще один Полярный Ужас ходил там в глубине, – произнес Второй, – устроил япошкам бойню, подобно тому как его собрат немцам, и исчез, откуда пришел. И что упадет нам на головы, если Дуг зарвется?

– Этого не будет, – сказал Первый, – мы ведь хорошие парни, и пока не собираемся нападать на Советы? Так за что им начинать драку с нами?

– Осталось лишь найти предлог, – вставил Третий, – как мы объясним все электорату? Что мало того что решили немножко побомбить каких-то макак, так еще и посылаем туда простых американских парней?

– А вам мало китайского опиума? – удивился Четвертый. – Этой отравой у нас, в Штатах, уже вовсю торгуют в чайнатаунах Фриско. И не только там!

– И кто этим занимается? – усмехнулся Второй. – Джентльмены, я не возражаю, но возникнут неудобные вопросы. Что, у нас на Западном побережье уже китайские коммунисты сидят? Или все же люди «нашего сукина сына» Чан Кай Ши?

– Если бы комми не производили опиум, нечего было бы продавать! – отрезал Первый. – Китайцы, кажется, решили поступить с нами, как обошлись с ними самими во времена опиумных войн? Мы покажем им, насколько они ошибаются!

Документ 5. «О положении на Дальнем Востоке». Доклад группы анализа и планирования – в личный секретариат тов. Сталина. Под грифом ОГВ, «Рассвет». Был составлен в мае 1945 г.

Позиции СССР на Дальнем Востоке объективно очень слабы. Это объясняется очень тяжелым климатом практически на всех территориях, принадлежащих СССР на Дальнем Востоке, отсутствием там в необходимых количествах и пригодном для немедленного использования виде почти всех ресурсов, кроме древесины и воды, крайне низкой транспортной связностью как внутри этого региона, так и с промышленно развитыми районами Урала и европейской части СССР (фактически вся связность обеспечивается Транссибом), высокой стоимостью доставки всего необходимого по железной дороге и низкой плотностью населения.

При этом регион богат природными ресурсами и экономически весьма перспективен. Но поскольку на месте нет почти ничего из необходимого для его освоения, а поддержание жизни трудоспособного населения обходится очень дорого из-за тяжелых природных условий и сложности транспортировки, то возможным становится лишь разработка наиболее легкодоступных и высокорентабельных природных ресурсов. Развертывание производства на месте зачастую практически невозможно – так, наличие на большей части территории советского Дальнего Востока вечной мерзлоты затрудняет ведение там сельского хозяйства и предельно удорожает капитальное строительство. Дополнительным отрицательным фактором являются территориальные претензии ряда капиталистических государств, из-за чего значительную часть ограниченных материальных ресурсов и грузооборота транспорта приходится расходовать на обеспечение обороноспособности.

Таким образом, создать промышленный район на Дальнем Востоке СССР, сопоставимый с Западным побережьем США, только за счет внутренних резервов и территории, невозможно. Но задача может быть решена привлечением значительных источников дешевых ресурсов извне – с обязательным условием транспортной доступности и способности СССР обеспечить их надежную защиту от агрессии иностранных государств. Этим условиям отвечают Маньчжурия, Внутренняя Монголия, Корея и северные провинции Китая.

Маньчжурия и Корея являются крупными производителями продовольствия (соевые бобы, рис, пшеница, мясо, рыба, морепродукты), даже при крайне

примитивном сельском хозяйстве, с отсутствием средств механизации и химических удобрений. Поставки на советский Дальний Восток даже при сохранении объемов, вывозимых в Японию в 1944 году, позволят обеспечить питанием дополнительно не менее 3 млн человек, помимо уже имеющегося там населения. Переоснащение сельского хозяйства современной техникой, широкое применение удобрений, научное ведение агрокультуры и селекционной работы позволит резко увеличить производство продовольствия и высвободит значительное число рабочих рук. Не менее важно наличие в Маньчжурии и Корее развитой промышленности строительных материалов. Возможны крупные поставки цемента, кирпича, лесоматериалов, черепицы, строительной арматуры – с уже налаженных японцами производств.

Также имеется избыточная рабочая сила в количестве до 5 млн человек – в большинстве неквалифицированная, но привлечение ее для строительства жилья и промышленных объектов, прокладки транспортных путей в течение теплого сезона (с мая по октябрь) резко ускорит освоение Дальнего Востока.

Развито металлургическое производство, созданное при техническом содействии японских и германских компаний. Маньчжурия (7 крупных заводов) производит 3,5–4 млн т чугуна и 2–2,5 млн т стали; Корея (7 заводов) – до 1,5 млн т чугуна и до 0,75 млн т стали. Для сравнения, в Китае, 12 по преимуществу малых заводов имеют проектную мощность в 1,5 млн т чугуна и 0,25 млн т стали.

Предвоенная оценка залежей железной руды в Маньчжурии составляла 1,2 млрд т – как известно сейчас, после дополнительной разведки месторождений Бэньсиху и Аньшаня, открытия новых месторождений, прежде всего Дунбяндао, только доказанные запасы которого составляют 1,2 млрд т, обоснованной представляется оценка около 4 млрд т. Основная масса этих запасов – богатые руды, с содержанием железа в 60–65 %. Точных данных о запасах коксующихся углей в уже разработанных японцами месторождениях Маньчжурии, Внутренней Монголии, Северного Китая и Кореи нет. Но, исходя из размеров ежегодной добычи, составляющих соответственно 20–25 млн т (здесь и далее – коксующихся и энергетических углей вместе) в Маньчжурии; столько же – в Северном Китае и Внутренней Монголии; 6–7 млн т – в Корее – они исчисляются миллиардами тонн.

Также известно о наличии следующих полезных ископаемых – нефти, золота, серебра, нерудных ископаемых. Путем опроса экипажа К-25 удалось выяснить, что в конце 50-х – начале 60-х годов в Маньчжурии нашли гигантское

месторождение нефти, с запасами в несколько миллиардов тонн в бассейне реки Сунгари в районе города Дацин[7 - В нашей истории 1959 год.]. По неуточненным данным, нефть залегает на небольшой глубине, судя по тому, что качалки стоят посреди города[8 - От 1 до 4 км.].

Тем же путем удалось получить информацию о наличии значительных запасов нефти во Внутренней Монголии – точной информации о расположении месторождений и их запасах нет.

В Корее есть крупные запасы железных руд (значительная часть которых – бедные руды, с содержанием железа около 40 %; часть – имеет содержание железа от 60 % и выше), антрацита, значительное количество мелких месторождений хромовых, медных, свинцово-цинковых, никелевых, молибденовых, вольфрамовых руд, золота и серебра[9 - В нашей истории найдены и крупные месторождения, но в гораздо более позднее время.]. Найдены месторождения графита и нерудных строительных материалов.

Однако следует отметить, что названные территории Китай считает безусловно своими или входящими в свою сферу влияния. И, став сильным, обязательно заявит на них территориальные претензии, не останавливаясь перед войной, в том числе и ядерной.

Как показывает практический опыт мира «Рассвета», в силу менталитета китайского народа Китай принципиально не может быть младшим партнером или равным союзником любой страны, неважно, СССР ли это или США. Сформировавшееся за тысячелетия восприятие своей страны как «Срединной/Поднебесной Империи, властвующей над окружающими ее варварами» не может быть поколеблено никакой другой идеологией – ни коммунистической, ни капиталистической. Именно этим и объясняется успех Мао Цзе-дуна – он смог дать своему народу старое мировоззрение в новом оформлении; поэтому основная масса китайцев и пошла за КПК.

Китай может быть временно чьим-то младшим партнером, исключительно с одной целью – усилиться за счет выгод, получаемых в союзе, после чего приходит время для традиционного приема китайской дипломатии, в просторечии именуемого «задушить в объятиях». Практически это осуществляется путем реализации классической стратегии «цаньши»

(«Неспешно и незаметно, подобно тому, как шелковичный червь поедает лист тутового дерева») – осуществляется подготовка китайских специалистов в высших учебных заведениях страны-партнера, приглашаются в Китай иностранные специалисты, идет передача/покупка/похищение технологий и покупка оборудования или целых фирм, строительство заводов и фабрик, оснащенных новейшим импортным оборудованием, неуклонно идет завоевание рынков партнера китайскими товарами и инфильтрация китайских эмигрантов, в той или иной форме. При этом используются все возможные в конкретной обстановке формы и методы воздействия на страну-партнера – от легальной дипломатии и торговых договоров до шпионажа и деятельности китайской организованной преступности, т. н. «триад» (по неуточненным данным, в мире «Рассвета» с начала 50-х годов деятельность «триад» за пределами КНР находилась под контролем ПГУ МГБ КНР (политической разведки)).

Исходя из вышесказанного, единый, прошедший модернизацию Китай может быть лишь временным союзником СССР, – но неизбежно станет либо противником, либо откровенным врагом Советского Союза, это лишь вопрос времени. Таким образом, в интересах СССР либо раздробленный на несколько враждующих между собой государств Китай, либо, что лучше всего, поддержание Китая в его нынешнем состоянии совокупности вконец одичавших и непрерывно воюющих друг с другом квазифеодальных, по сути дела, находящихся на уровне раннего Средневековья владений.

При поддержании Китая в его нынешнем состоянии его объединение и модернизация невозможны даже в случае победы Гоминьдана в гражданской войне – у Чан Кай Ши нет ни идеологии, способной сплотить нацию, ни армии, военные возможности которой позволяют военным путем объединить страну, ни специалистов, могущих стать кадрами эффективного по современным меркам государственного аппарата, не говоря уже о коренной модернизации Китая, ни денег на то, чтобы все это оплатить. Теоретически финансовую, техническую и организационную поддержку могут оказать Чан Кай Ши США, – но вложение ими в объединение и модернизацию Китая десятков миллиардов долларов (назвать точную величину суммы не представляется возможным, поэтому называется примерный порядок потребного для этого финансирования) на практически безвозвратной основе, представляется абсолютно невозможным.

Несколько иными возможностями располагает Мао Цзе-дун – в его распоряжении имеется доказавшая свою действенность в мире «Рассвета» идеология, но его военные, экономические и кадровые возможности заметно уступают даже

нынешним возможностям Чан Кай Ши. Называя вещи своими именами, в мире «Рассвета» победа КПК в гражданской войне, равно как и превращение Китая в относительно современное государство, были достигнуты исключительно благодаря колоссальной по размерам помощи СССР – руководимые Мао китайские коммунисты не имели никаких шансов не только на самостоятельную победу, но и на элементарное выживание под ударами войск Гоминьдана.

Москва. Кремль. 5 июля 1950 г.

Иосиф Виссарионович Сталин озабоченно ходил по кабинету. Что показывало – Вождь обеспокоен и еще не принял окончательного решения.

За длинным столом, крытым зеленым сукном, сидели:

Полноватый человек в пенсне и штатском костюме – Лаврентий Палыч Берия. Отвечающий здесь не только за госбезопасность, но и весь советский военно-промышленный комплекс.

Маршал Василевский – после Дальневосточной войны сорок пятого года вернувшийся на пост начальника Генштаба.

Невысокий и лысоватый человек в штатском, в профиль имеющий сходство с Ильичом – Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, отвечающий за идеологию и пропаганду. А также, о чем было известно узкому кругу лиц, за структуру партийной безопасности, стоящую даже выше НКГБ в иерархии советских спецслужб (разговорное название «инквизиция» или «опричники», второе чаще применялось не к службе в целом, а к входящим в нее боевикам).

Моложавый и подтянутый вице-адмирал в парадном мундире с тремя Золотыми Звездами. Лазарев Михаил Петрович, гений советского флота, резко поднявшийся в годы Отечественной, а затем Дальневосточной войны. И самая засекреченная фигура, даже биография его была для посторонних под грифом ОГВ – «особой государственной важности», высшей, чем «совершенно секретно». Восемь лет назад, по местному времени – командир атомной подводной лодки «Воронеж», она же «Полярный Ужас», как прозвали ее немецкие моряки, кому повезло остаться в живых. В настоящий момент пребывал в должности первого заместителя наркома ВМФ.

Рядом с адмиралом сидела женщина, молодая и красивая, в светлом шелковом платье – наряд, более подходящий для визита в театр, чем для такого собрания. Однако всему высокому начальству было известно, что Анна Петровна Лазарева не только жена адмирала Лазарева, но и инструктор ЦК КПСС, а также «правая рука» Пономаренко в «инквизиции», имеет привилегию являться в таком виде даже на доклад к Вождю, который относился с одобрением. На стене висела крупномасштабная карта Китая. А на столе был предмет, никак не сочетающийся с обстановкой 1950 года – раскрытый ноутбук. Но атмосфера в кабинете никак не напоминала театральную, была предельно серьезной.

– От какой судьбы история избавила нас, – сказал Вождь, взглянув на лежащую на столе книгу, – как если бы «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» был основан Владимиром Ильичом в 1895 году, под патронажем и на деньги английской разведки. И вместо Наденьки Крупской была бы какая-нибудь «леди Сидни Рейли», в девичестве Сара Розенблюм из Одессы. А все значимые посты в РСДРП занимали бы люди британского шпиона Парвуса. И когда Ленин умер, на его место тут же бы встал Лейба Троцкий. Бедой и ошибкой Сунь Ятсена было, что в Китае почти отсутствовал класс пролетариата, а буржуазия это исключительно компрадоры – мэйбани. Между прочим, это особенность капитализма – подобно тому, как при поражении в войне даже такие зубры, как Роммель и Рудински, могут перейти на сторону сильнейшего, то в бизнесе и войны не надо, достаточно лишь «более благоприятного инвестиционного климата», так это называется? Капитал не может лежать без движения – и в нищем отсталом Китае сделать большие деньги можно было, лишь играя с Западом. Этого все же не было у нас в семнадцатом – и Ленин реально мог опираться «не на заговор, не на партию, а на самый передовой класс» – Сунь Ятсену же оставалось лишь надеяться на общекитайское «болото», где тон задавали мэйбани. Но история не завершена. Товарищ Лазарев, вам не кажется, что такие известные вам фигуры, как Чубайс, Явлинский, Березовский, Ходорковский и им подобные, как раз под определение «мэйбань» подходят? И судьба Китая – это наглядный урок, что бывает со страной, когда мэйбани приходят к власти? Так что эта книга, написанная однофамильцем классика, не только про Китай. Надеюсь, что когда и если придет время, это станет понятно не только здесь присутствующим!

Присутствующие молчали. Поскольку были хорошо знакомы с манерой Сталина начинать разговор, для создания соответствующей обстановки.

– В той истории мы ушли из Маньчжурии и не проявили интереса к Корее, – продолжил Вождь, – понадеялись на братьев по соцлагерю. Здесь – нет. Значит, события пошли совсем по другому пути. Но даже русофоб Маркс признал, что без выхода к Балтике российская экономика задыхалась, так что Петр объективно сделал жизненно важное дело. Так и по маньчжурскому вопросу – характерно, что и здесь есть некоторые товарищи, считающие нужным поступить так, как в той истории, из политических соображений. Но все сходятся дружно в одном – нормальное экономическое развитие нашего Дальнего Востока без самого тесного вовлечения Маньчжурии и Кореи в нашу орбиту невозможно! Однако вступить в ряды советских республик эти народы еще не готовы, тут даже монгольских товарищей уговорили с большим трудом. Что ж, мы готовы оказать братским народам, выбравшим путь социализма... Отчего вы улыбаетесь, товарищ Лазарев?

– Простите, товарищ Сталин! – ответил адмирал. – Просто вспомнилось, что даже в Московском договоре[10 - Аналог Варшавского нашей истории.] Маньчжурия названа Империей.

– Сидит там Пу И, и что с того? – усмехнулся Сталин. – Это что-то меняет? Так же как в Румынии Михай, а в Болгарии Борис. Кто-то сомневается в социалистическом пути всех названных стран? Пока их народы еще не решили отказаться от монархии. Но проблема однако – даже тут, в Москве не все понимают, отчего мы вкладываемся в строительство промышленных объектов в Маньчжурии и Корее, а не на нашем Дальнем Востоке. Чем индустриализовать дружеский Китай, отплативший нам черной неблагодарностью. Что у нас там уже построено за пятилетку – нефть Дацина и Ляохэ, металлургические мощности выросли в полтора раза, а угледобыча на порядок. Харбин – автосборочный завод, завод азотных удобрений, речная судостроительная верфь. За один прошлый год сельхозкооперативам поставлено две тысячи тракторов и девятьсот комбайнов. А как корейские крестьяне приняли мотоблоки с мотоциклетного завода в Пхеньяне? Железные дороги переложены на нашу колею, с усилением полотна – и протяженность железнодорожной сети почти вдвое увеличилась, за пятилетку! И на всем этом оживает и наш Дальний Восток. Товарищ Лазарева, вы мне докладную записку подавали, об успехах второй волны хетагуровского движения? Все бы хорошо – вот только из-за реки войной веет. Нам до конца века в Маньчжурии фронтовую группировку развернутой держать, чтоб никто не посмел? Мы не хотим войны, мы очень мирный народ. Вот только не терпим, когда нам войной угрожают! Великие дела ждут нашу советскую страну и нас всех. А всякие... мэйбани мешают, отвлекают от дел! Внутри страны сейчас наш главный фронт, а извне лишь чтобы не

мешали! Товарищ Лазарева, вы готовы поручиться за каждое слово вашего доклада, каждый факт и каждую цифру, там приведенные? Можете не вставать!

– Так точно, товарищ Сталин, – ответила женщина, – все цифры сверены по документам, оригиналы в папке. По каждому случаю есть свидетельские показания, взаимоподтверждающие. И я лично разговаривала с подследственными – в Ленинграде. По центральному аппарату работали другие.

Сталин взглянул на Пономаренко, тот кивнул.

– «Ленинградское дело», – произнес Сталин, – как записано в ваших файлах, когда кровавый тиран, не будем называть имен, решил сгноить молодые перспективные кадры, усмотрев в них угрозу своей власти. А товарищи Вознесенский, Кузнецов, Попков и прочие (список прилагается) это невинные жертвы, герои обороны Ленинграда. А что мы имеем по факту – по указанию товарища Кузнецова была совершенно незаконно организована Всесоюзная оптовая ярмарка, товары для которой, на общую сумму девять миллиардов рублей, в значительной части были взяты из государственных фондов, подлежащих распределению, чем были ущемлены интересы других краев и областей. При организации ярмарки были допущены грубые просчеты, в результате чего товары на четыре миллиарда списаны как испорченные... их действительно сгноили или разворовали и списали задним числом?

– В основном намеренно не были обеспечены должные условия хранения, под предлогом «отсутствия ресурсов», – ответила Лазарева, – что служило предлогом для поспешной распродажи с нарушениями, «все равно сгниют». Хотя имела место и массовая порча, и прямое воровство – «по-дружески» покрытое ответственными товарищами. Точные цифры и имена в документах есть.

– Четыре миллиарда убытков, – сказал Сталин, – и это когда нашему народу не хватает всего самого необходимого! И кроме собственно ярмарки, еще куча сопутствующих дел – «хлебное», «ткацкое», «винное», «музыкальное», «денежное». Когда ответственные товарищи воруют так, что какая-нибудь нью-йоркская мафия обзавидуется. Без всяких грабежей и стрельбы – а всего лишь по предварительному сговору, тресту или главку выделяются излишки, за откат. Вплоть до того, что сам председатель Госплана Вознесенский, как достоверно установлено, кому-то занижал плановые показатели, а кому-то завышал – руководствуясь вовсе не интересами дела! Причем дошло до того, что ответственные товарищи, как, например, в ленинградском «Росглавхлебе»,

вступили в прямой сговор с преступным миром, используя бандитов для грабежа складов и вагонов, а также расправы с неугодными и заметания следов. А злоупотребления при распределении жилплощади – заслуживающие отдельного разговора? И первый секретарь товарищ Попков вел себя как вотчинный боярин, закрывая глаза на то, что делают его приятели. Однако же его личное участие установлено?

– Никак нет, – ответила Лазарева, – барство, чванство, неподобающий образ жизни, да.

– Это не столь важно, – заметил Сталин, – если его поставили на столь высокий пост, он обязан был прежде всего защищать государственный интерес. Так же и Кузнецов – переведенный в Москву на должность начальника ЦК по кадрам, самочинно присвоил себе «курирование» всех вопросов, связанных с Ленинградом, фактически замкнув на себя всю связь с ленинградской партийной организацией, не информируя ЦК о реальном положении дел, разведя самую худшую групповщину, «ты мне, я тебе». Ну и что со всем этим делать? И в истории здесь, потомки лет через полсотни тоже будут орать о «невинных жертвах сталинского произвола»?

– Наказать, но без политики, – упрямым тоном произнесла Лазарева, – неправильно было, как там, вешать на эту компанию обвинение в «отделении РСФСР со столицей в Ленинграде». Товарищ Сталин, да, фигуранты вели такие разговоры между собой, – но принимать их всерьез... И чем виноваты ленинградцы, которых там из-за всей этой поганой истории лишили Музея обороны, да еще негласно запретили упоминать об их подвиге? Надо народу все объяснить – чтоб поняли. Чтоб не было ни слухов по углам, о «безвинно пострадавших», ни тем более о «новом тридцать седьмом годе».

– Интересно, будет ли в иной истории, еще через полсотни лет, сожаление о китайских коррупционерах, там расстреливаемых пачками? – усмехнулся Сталин. – Но вы, товарищ Лазарева, указали свое особое мнение, касаемо приговора некоторым фигурантам?

– Руководствуясь сугубо государственным интересом, – ответила Лазарева, – все же товарищ Вознесенский это крупный специалист по плановому хозяйству, автор научных трудов. Так же и прочие, по списку – или могут все же быть полезны, или не принимали прямого участия в воровстве, а виновны лишь в бездеятельности. Мое мнение – можно дать им возможность искупить вину.

Разжаловать, лишить наград, да хоть «шарашку» создать под таких специалистов – но не пускать в распыл.

– А если они зло затаят? Выйдут, будут мстить – всей советской власти, Советской стране?

– Тогда по закону, – сказала Лазарева, – держать их под надзором, это вопрос технический. Хоть увидим, с кем они станут сговариваться, кому у нас не нравится советская власть.

Сталин посмотрел на Берию и Пономаренко:

– Нет возражений?

Лаврентий Палыч пожал плечами.

– Ну раз так, пусть поживут, до первого случая вредительства и саботажа.

Пономаренко кивнул.

– Хорошо, дадим шанс искупить... – сказал Вождь, – однако же запомним, верить безоговорочно можно лишь информации по вопросам техническим. Ну еще касаемо природных явлений, вроде Ашхабадского землетрясения, где в следующий раз тряхнет, в Ташкенте через шестнадцать лет? А все относящееся к вопросам политическим – несет на себе уклон, зависящий от авторства написавшего и его политических воззрений. И относиться к этому надо с известной долей скептицизма.

Рука потянулась к трубке. Жаль, что бросил курить – так хочется иногда! Но нельзя – и слишком многое предстоит еще сделать. Четвертое марта пятьдесят третьего – хотя теперь была надежда, что история изменится, Сталин будет полностью спокоен, лишь когда эта дата пройдет. План, родившийся еще в сорок четвертом, после Киевского мятежа – реорганизовать партию, дополнить иерархический принцип сетевым, «горизонтальные связи», вместо вышестоящих, впередиидущие – вот отчего столь важным было разобраться с «ленинградским делом», там он сам после него стал закручивать гайки, и Система в общем работала, пока он был жив! Если разобраться, то весь их орден

«Рассвета», компания Посвященных, по сути то же, что делали Кузнецов с Вознесенским, междусобойчик, перехватывающий управление у уполномоченных на то органов. Но ключевое – мы это делаем исключительно в интересах всего СССР. Они – лишь в интересах своей «вотчины», проблемы тех, кто был за ее пределами, их не волновали. Но как обеспечить это в будущей партии?

– Вот наш главный фронт! – продолжил Сталин. – Валовая продукция промышленности прошлого, 1949 года, уже составила 125 процентов от уровня 1940 года[11 - В нашей истории 1948 год, 118 процентов от 1940 года.]. Мы успешно повышаем благосостояние советских людей, снижаем цены, увеличили продолжительность отпусков для работников вредных производств, а также женщин, ставших матерями. В этом году советские люди могут ездить в восстановленные здравницы в Крым, на Кавказское побережье, а также в дружественную Болгарию – к сожалению, в Южной Италии, Югославии и Греции еще неспокойно политически. И что немаловажно, нам удалось здесь не сильно увеличивать налоговую нагрузку на деревню – за счет большей помощи от дружественных стран. Мы сумели значительно уменьшить последствия неурожая сорок шестого года – проблемы с продовольствием были, но без смертности от голода обошлось. Ашхабад тоже обошелся малыми жертвами и материальными потерями – если не считать того, что хрущевский новострой весь рухнул как карточные домики, даже сносить не понадобилось! Экономики социалистических стран в значительной мере интегрированы в народное хозяйство СССР, и процесс продолжается. При том, что мы тратим на оборону не более того, что необходимо...

Присутствующие молча слушали – хотя сказанное было им хорошо известно. Как и манера Вождя предварять подобным вступлением, «чтоб прониклись», свою главную мысль.

– Нам не нужна война, – сказал Сталин, – снова залечивать раны, нанесенные уже атомными ударами по нашим городам. Слабым утешением будет, что мы в ответ сожжем то, что останется от Европы, и дотянемся до какого-нибудь Нью-Йорка или Сан-Франциско. Четыре года назад американцы думали точно так же – а вот сейчас... По нашей информации, полученной здесь, в этом времени, им надоела бестолковая возня в Китае. В Шанхае и Гуаньчжоу высаживаются американские войска, уже не группы советников, а армейские дивизии. И крупные силы авиации, включая стратегические бомбардировщики, переброшены на базы Окинавы, Тайваня, Филиппин. «Бешеный Дуг» Макартур,

командующий американскими войсками в Китае, очень хочет войти в историю с лаврами великого полководца, победителя. Все эти годы мы помогали «нашим», товарищу Мао, по самому минимуму – чтоб хватало сдержать натиск воинства Чан Кай Ши. Что будет, если завтра на китайском фронте вместо гоминьдановцев окажутся свежие дивизии Армии США? Через сколько времени американцы выйдут в своем наступлении к нашей границе где-нибудь возле Фрунзе или Алма-Аты? А после Чан Кай Ши потребует вернуть незаконно оккупированный Пекинский край вместе с Внутренней Монголией? И нам как минимум снова придется тратить колоссальные средства на укрепление дальневосточных границ – как там, в шестидесятые, семидесятые, когда война СССР с маоистским Китаем казалась даже вероятнее, чем с американским империализмом?

Василевский покачал головой.

– Разрешите, товарищ Сталин? Не похоже, чтобы американцы всерьез готовились к большой войне с нами. Судя по тому, что в Европу ими не перебрасывается никаких дополнительных войск. Равно как и авиации. Не на французов же они надеются, что те нас остановят? Ил-28 даже с немецких баз до Британских островов достают хорошо, с «ягодками». Ну а датчане при таком раскладе – смертники, без вариантов. Да и не похоже, что янки так легко спишут своих союзников. Мнение мое, и товарищей из Разведупра – воевать в Европе американцы не собираются.

– А если им это не надо? – спросил Сталин. – Если пока они хотят лишь измотать нас, переведя соревнование с военного поля на экономику, где они сильнее? Принудить нас тратиться на оборону, пока не разоримся. Или все же напасть, когда мы уже не сможем поддерживать безопасный уровень своих вооруженных сил. Они ведь считают – им спешить некуда. И уверены, что навязывают нам эту игру! Поскольку обороняющийся должен быть силен всюду и всегда – а решившийся напасть выбирает момент и место. Есть мнение, что надо показать кое-кому, что они не правы. По крайней мере, быть к этому готовым. Что у нас на Тихом океане, товарищ Лазарев?

– По авиации: в ближней морской зоне мы способны решать все поставленные задачи, – ответил адмирал, – истребительные полки в массе перешли и успешно освоили Миг-15, задачу ПВО берега и баз, и прикрытие сил флота в прибрежном районе обеспечат. Достаточно хорошо отработано взаимодействие с ВВС и ПВО армии. Развернута сеть РЛС и оперативных командных пунктов, для управления

разнородными силами флота – прежде всего авиации, но также и кораблей. Чему уделялось особое внимание на учениях. Ударной авиацией освоено применение «комет» по морским целям. Однако мы пока еще слабы в дальней зоне.

Дозаправка в воздухе, в массе, личным составом не освоена – система откровенно еще «сырая», я докладную писал. Остро не хватает ударной реактивной авиации, Ил-28 в основном сухопутчикам идут, нам по остаточному. И новая тактика еще в процессе разработки, реактивные не годятся в качестве пикировщиков, и для топмачтового бомбометания плохи. Раков на Балтике отрабатывает массированное применение реактивных торпед РАТ, но когда это широко до строевых частей дойдет, тем более на ТОФ... Носители «комет», Ту-4 и Не-277, при наличии у противника реактивных палубных, могут работать лишь под прикрытием «мигов», то есть возле нашего берега. Вот карта, тут показано – зоны, где мы обеспечим господство, где паритет и где мы слабее.

– А радиус действия палубной авиации США до пятисот миль, – заметил Сталин, разглядывая карту, – то есть их авианосное соединение вполне может навязывать нам инициативу, нанося удар из «синей» зоны. И если свой берег мы еще можем прикрыть, то возле китайского побережья уже они могут делать, что хотят. Что по кораблям и прочему?

– По подводному флоту, – продолжил Лазарев, – в строю ТОФ, восемнадцать лодок «тип XXI», «XXI-бис», «XXI-бис-2», к двенадцати перешедших в сорок четвертом добавились шесть постройки ГДР, но собранных во Владивостоке, еще две только подняли флаг и сдают курс боевой подготовки, одна в процессе приемки флотом, три предъявят к сдаче в течение месяца. Малых лодок, «тип XXIII», запланировано к отправке на ТОФ двадцать четыре единицы, первые пять уже прибыли в Порт-Артур, должны прибыть еще семь, и двенадцать во Владивосток. Еще в строю четыре лодки К-ПЛЮ, восемь подводных заградителей «серия Л», и тринадцать «Щ» и «М», эти уже выведены из боевого состава и используются как учебные. По надводному флоту – в строю, крейсера «Молотов», «Калинин», пять новых эсминцев «проект 32», восемь старых эсминцев. Имеется достаточное количество тральщиков, малых противолодочных кораблей и сто шесть торпедных катеров, как нашего «183-го проекта», так и «шнелльботов». Которые хорошо дополняют авиацию – для действий ночью, обученные массированным атакам, с применением самонаводящихся торпед и средств РЭБ.

– Итого боеготовых лодок тридцать, и это на весь наш Дальний Восток, – подсчитал Сталин, – а поправьте меня, товарищ Лазарев, если я ошибусь, вы недавно докладывали об общем числе нашего подплава. Насчитав пятьдесят

четыре «613-х», из которых двадцать четыре на СФ, двадцать на Балтфлоте, десять на ЧФ. Также, восемьдесят девять «тип XXI», из которых двадцать одна единица СФ, восемнадцать на ТОФ, тридцать восемь на Балтике и двенадцать на ЧФ. Плюс сорок девять лодок Фольксмарине этого же типа. Малых лодок «тип XXIII» имеется, двенадцать Балтфлот, тридцать пять ЧФ и пятьдесят шесть в Фольксмарине – не учтены те, что в пути на Дальний Восток. Вы со шведами собрались воевать, товарищ Лазарев, или опасаетесь прорыва на Балтику американцев? А Тихий океан явно недооценен, это отчего – в свете последних политических событий?

– Никак нет! Во-первых, увеличить состав флотов мешает нехватка оборудованных гаваней, ремонтных мастерских и заводов, доков. Так исторически сложилось, что Балтика наиболее освоена, и нами, и немецкими товарищами. Во-вторых, налицо хорошая связность с Северным флотом – как через Норвежское море, в мирное время, так и по Беломорканалу, в любое – часть кораблей и лодок в ближайшее время будут переведены на Север, по мере освоения экипажами, практика показала, что этот процесс быстрее и безопаснее проводить в более «тепличной» обстановке. В-третьих, в случае начала войны Балтийский флот предполагается выдвинуть вслед за армией в захваченные французские базы на атлантическом побережье, как это сделали немцы в сороковом. Что до Тихого океана, то там положение с инфраструктурой хуже всего, а завод в Комсомольске лишь в сорок восьмом завершил реорганизацию, сейчас на его стапелях шесть лодок 613-го проекта, первые четыре успеют поднять флаг еще в этом году до ледостава, остальные уже в кампанию следующего года, и на освободившихся местах тут же будет начата постройка следующей шестерки. Увеличению корабельного состава там очень мешает ограничение ремонтных мощностей, просто невозможно поддерживать корабли в исправном техническом состоянии – я еще в прошлом году докладную записку подавал.

– А воз и ныне там, – буркнул Сталин, – а судостроительные мощности Кореи подключить пробовали? Совместно с товарищами из НКВД.

– Эти «мощности» как при японцах, так и сейчас, направлены в основном на изготовление корпусов судов, по механической же части до недавнего времени все приходилось завозить извне. Потому сегодня корейские верфи загружены гражданским судостроением, как более простым технологически – что также имеет положительный эффект разгрузки наших заводов. К сожалению, опыт перевода на Дальний Восток кораблей с западных флотов показывает, что

результат выходит слишком дорогим, особенно с учетом дипломатии и международной обстановки. Тихому океану нужна своя судостроительная база, с научным и конструкторским обеспечением.

– Минутку, товарищ Лазарев, – вставил слово Берия, – насколько мне известно, во Владивостоке еще четыре года назад возобновил работы кораблестроительный институт?

– Который столь уступает и Ленинградскому и Северному кораблестроительным институтам и по числу преподавательских и студенческих кадров, и по учебно-производственной базе, что в 1948 году принято решение объединить кораблестроительный и механический факультеты, из экономических соображений. Попросту – не хватало людей на полный штат, и набрать их в том регионе неоткуда.

– А если усилить кадрами за счет тех же ленинградцев?

– В таком случае, товарищ Сталин, придется пересмотреть весь существующий порядок распределения выпускников высших учебных заведений. Сейчас принято, и законом допускается, что значительная часть старшекурсников еще за год-два до выпуска завязывают самые тесные отношения с будущими «покупателями», привлекаются к договорным работам, пишут диплом на конкретную тему – после чего автоматически распределяются именно на данное предприятие. И это очень полезно, так как позволяет заводу или КБ получить не просто молодого специалиста, а уже знакомого со спецификой работы, могущего сразу, без раскачки включиться в процесс. Но обратной стороной выходит то, что предприятиям, удаленным от вузов, достаются кадры по остаточному принципу.

Анна Лазарева кивнула, подтверждая слова адмирала.

– Разрешите, товарищ Сталин? Я училась в Ленинграде и настроения студенчества хорошо понимаю. Ленинградские студенты в большинстве своём надеются, что будут работать возле дома. И это так и есть, потому что промышленность, наука и образование города примут весь выпуск и потребуют ещё. А применительно к кораблестроению это особенно наглядно – крупнейшие Адмиралтейский, Балтийский, Ждановский заводы, ЦНИИ Крылова и еще несколько десятков научных и конструкторских учреждений отрасли

гарантированно забирают всех ленинградцев и еще лучшую часть иногородних студентов. Большой Флот строится в значительной степени на ленинградских верфях, которым нужны кадры! Замечу также, что перспектива остаться в Ленинграде играет роль положительной мотивации для лучшей учебы.

– Еще одно «ленинградское дело», – усмехнулся Сталин, – одеяло на себя перетягивать, сначала в интересах дела, а потом... Товарищ Лазарев, что вы товарищу Пономаренко говорили про текучесть офицерских кадров на ТОФ?

Адмирал посмотрел на Пономаренко. Тот лишь руками слегка развел, – а что хотите, надо же чтобы из разговора был результат?

– Замечено, что отдельные офицеры с Тихоокеанского флота всеми правдами и неправдами стремятся добиться перевода на запад, – начал Лазарев, – причем не шкурники, карьеристы, а вполне заслуженные и толковые товарищи. В неофициальных беседах называют причины – недостаточное развитие соцкультбыта, «скука зеленая, только водку пей», плохие жилищные условия, в сравнении с западными флотами, ну и семейные проблемы! ТОФ сорок пятого года был фронтом, на какое-то время собравшим в себе все лучшее со всех флотов. Но война кончилась – и людям надо было возвращаться. Нельзя ведь было и оголять западные рубежи!

– И останется ТОФ снова сонным углом, где служат одни неудачники и неумехи, – зло усмехнулся Сталин, – наподобие капитан-лейтенанта Прибытко, так, кажется, звали того, кто свою подлодку в мирное время трижды чуть не утопил, по собственной дури? При том, что там возле наших рубежей вот-вот начнется большая война! Товарищ Лазарев, и вы, товарищ Лазарева, продумайте меры по повышению популярности службы и вообще жизни на Дальнем Востоке, изучите опыт хетагуровского движения. Товарищ Лазарев, а в каком состоянии К-25?

– Капитальным ремонтом на Севмаше полностью перебрали второй контур и механизмы, провели доковый осмотр и ремонт. Загрузки реактора хватит еще на пять лет эксплуатации – а там, надеемся, и наш Атоммаш подоспеет! Обновленный экипаж сдал задачи БП. Потому мы имеем полностью боеспособный атомный подводный крейсер. С учетом нового торпедного оружия, по которому мы здесь опережаем американцев – мало им не покажется.

– На крайний, самый последний случай, – сказал Сталин, – пусть будет пока нашим козырным тузом в рукаве. Нам бы год-два продержаться. Что с «акулами»?

– Работы по плану, – ответил Лазарев, – если только не вылезет чего-то непредусмотренного. «Ленин», если все пройдет гладко, войдет в строй в пятьдесят втором, на год раньше. Сумеем какой-то опыт накопить.

«Курчатов не подвел, – подумал адмирал, – проект корабельного реактора был готов уже в сорок восьмом. А в следующем году в Ленинграде заложили ледокол. Не совсем тот «Ленин», и не нашлось у нас детального описания, и конструкция носила следы импровизации, удешевления. Главной задачей было испытать энергетическую установку для будущих атомарин, – а полноценным атомным ледоколом должен будет стать уже следующий корабль, проекта не существовало еще, и название не было официально утверждено, но в кулуарах уже говорили, как о решенном – «Иосиф Сталин». А на Севмаше уже формировались корпуса сразу четырех, первых в этом мире, атомных лодок».

– А пока, возможно, придется вам, товарищ Лазарев, снова отправиться на Тихий океан, – сказал Сталин. – Впрочем, решение еще не принято. В зависимости от политической ситуации там. И думаю, что Анна Петровна в этот раз вполне может ехать вместе с вами – чтобы показать своим примером, как надо решать семейные проблемы? Ведь там найдется и дело для вашей службы, товарищ Пономаренко?

Анна Лазарева

Ленинград, Ленинград. Родной мой город, где я не была с сорок первого года. Оставшийся для меня в таком же бесконечном удаленном времени, как для моего Адмирала, его двадцать первый век.

Всего лишь одна ночь на «Красной стреле». Парадоксально, но именно это было причиной, что я так и не была здесь после Победы. Думала, что успею всегда, лишь собраться. И откладывала на потом. А еще, хотя не признавалась себе сама, боялась встречи с частью себя – прошлой. Как сказал Юрка Смоленцев, мы были романтиками, слепо верящими, что завтра будет лучше, чем вчера, – а сейчас стали прожженными циниками с романтической душой где-то глубоко

внутри. Ну а они, пришельцы из будущего, изначально были такими – знающими, что завтра должно быть лучше, чем вчера, иначе не следует и жить.

«Ничто не может помешать победе коммунизма – если только сами коммунисты этому не помешают». Эти слова, которые произносит Ленин в спектакле, сочиненном в ином времени и с огромным успехом идущем здесь[12 - М. Шатров. «Синие кони на красной траве».], стали лозунгом, – а это чистая правда. Там, в мире «Рассвета», мы отчего-то решили, что достаточно построить материально-техническую базу, фундамент социализма, – а остальное возникнет само. Здесь же есть понимание на самых верхах, что эту ошибку повторить нельзя – и что наши советские люди, их вера в светлое будущее и готовность на него работать и за него сражаться, это главная наша ценность и основной капитал!

И если для его сохранности приходится иногда изымать из стада отдельных паршивых овец (вот, набралась уже у Люции религиозных выражений!), то это исключительно для общего блага. И как самая последняя мера, когда сохранить человека для общества уже никак не получается. Мы люди очень добрые и гуманные – просто добро наше... нет, не с кулаками, а скорее, со скальпелем хирурга.

Так что в Ленинграде, куда меня посылал Пономаренко, я была не следователем, а судьей. Для разработки конкретики есть прикомандированные специалисты, асы бухгалтерии, которым все эти дебет, кредит, сальдо и сторно понятны, как охотнику следы на снегу, – где тут не сходится, сколько уворовали, или же по отчетности чисто все, а документы, списывающие все на какую-нибудь заготконтору «Рога и копыта», подложные? Считаю теперь, что люди из Финансовой службы уважения заслуживают не меньшего, чем ухорезы, которых Юрка Смоленцев натаскивает – а ведь герр Рудински это и раньше понимал, когда давал нам совет учредить особую «финансовую полицию», как у него в Германии, так именно после его визита у нас и появилась эта Контора, главк в системе НКВД (не путать с ОБХС – в свете современной политики больше свободы кооперации и всяким там артелям, гораздо меньше этого было раньше, в мои «севмашевские» времена). Ну а с прямой уголовщиной, бывшей на подхвате, приданные сыскари из МУРа вместе с ленинградцами отлично разобрались – так что собственно следственные мероприятия были закончены. Оставалось лишь политическую оценку дать – а там, как товарищ Сталин и им назначенный суд решат.

Самым серьезным здесь, конечно, было – разговоры об «обособлении» РСФСР, имеющие место среди фигурантов (доказано достоверно). Не вышедшие за рамки кухонного трепа, но когда о том говорят член ЦК и первый секретарь обкома, к этому серьезно относиться или нет? А ведь сила России и СССР, по моему глубокому убеждению (и теория Гумилёва это утверждает), как раз в умении вовлекать в свою орбиту соседствующие народы! Начнем заборы ставить, определять, кто тут «истинно русский», а кто инородец – так сначала внешние слои отпадут, затем и дальше, до размеров Московского княжества сокротимся?! Так что идея была предельно опасная – причем ясно было, что те, кто о ней говорил, заботились прежде всего о своей иерархии, как сволочь Ельцин через сорок лет! А так как переубедить подобную публику бесполезно – следовало внушить ей страх, чтоб навек запомнили: даже взгляд в эту сторону – смерть, без вариантов! И приходилось мне (снова фраза религиозная) «отделять овец от козлищ», и протоколы допросов читать, и на самих допросах присутствовать, и вопросы фигурантам задавать – а итогом отметки в списке: те, кто в эту идею всерьез поверил, жить не должны. Даже если прочая их вина не слишком велика. Решала судьбу нелюдей, идейные потомки которых там развалили великую страну – совершенно без колебаний совести. Тем более что мое «особое мнение» не окончательное, – как еще суд решит. Ну и не всем отягощение – кому-то приписала, что целесообразно предоставить искупить. Ну и еще на мне было все касалось культурной политики, – но о том дальше расскажу.

В Ленинграде я видела следы войны – пустыри на месте разбомбленных домов. Где-то уже шла стройка, где-то зеленел сквер, – а где-то мальчишки играли в футбол, обозначив ворота кирпичами. А город выглядел ухоженным и чистым, за Московским райсоветом и заводом «Электросила» уже был разбит Парк Победы, и ударными темпами строилось метро (линии и станции примерно совпадали с существующими в иной истории, насколько я помню рассказы моего Адмирала, родившегося в Ленинграде в 1970 году). Он уже был здесь в сорок восьмом, когда на Балтийском заводе готовились «Ленин» закладывать – один ездил, без меня, я тогда Илюшу рожала. А Владику, первенцу моему, сейчас уже шестой годик, через год в школу – весь в отца, крепенький, волосы черные, глаза синие и характер упрямый! И еще хорошо, что ясли и детский сад находятся на первом этаже нашего же огромного дома на Ленинградском шоссе, и воспитательницы могут, если попросить, ребенка после смены домой доставить и сдать на руки домработнице тете Паше или моей прежней «компаньонке» Марье Степановне, которая меня выручала, по просьбе Пономаренко, и сейчас еще приходит, и даже у нас остается, когда надо с детьми побыть. Когда мне приходится уезжать – на Севмаш, где «Воронеж» стоит, мы с Михаилом Петровичем дважды

летали, и в хозяйство Курчатова. Которое теперь не один Второй Арсенал на Севере, разросся советский Атоммаш, включает в себя теперь множество объектов, и производств, и НИИ, и полигонов – на Урале, в Поволжье, в казахских степях, и в Ленинграде, где будут изготавливать машины для ледоколов и атомарин. Адмирал мой в Москве окончательно лишь с лета сорок сорок седьмого, но в командировки летает и ездит... а я вот с ним лишь на Севмаш, так хотелось моих девчонок повидать, и ученых с Северной Корабелки, и ребят с «Воронежа», ну еще в Горьком была, там на заводе «Сормово» тоже заказы для Атоммаша делают – город мне каким-то уютным показался, на Ленинград похож, а вот в Москве, странно, до сих пор чувствую себя «не совсем своей»!

– Ань, вот за себя скажу: когда моего кабальеро рядом нет, тоже такая тоска иногда нападает, – сказала Лючия, – а когда мы вместе, то мне абсолютно все равно, где! Так и ты со своим, вместе летала – а тут, сколько его ждешь? Вот грусть и приходит.

А вот сейчас я в Ленинграде, а Михаил Петрович в наркомате, в Москве! Хотя и звоню я ему каждый вечер, чтоб голос услышать. Зато Лючия со мной, в обычной роли «адъютанта» и секретарши.

– Петечка с Анечкой большие уже, Марь Степановна с тетей Пашей и тетей Дашей обещали за ними присмотреть! А ты мне обещала Ленинград показать, лучший город земли?

Вот только видели пока мало. Из «Астории», машина у подъезда ждет, и в дом на Литейном. Вечером так же – обратно. Ну еще пару раз на предприятия выезжали, и по Невскому могли пройтись. А так – коридоры, кабинеты, бумаги.

Отчего «ленинградское дело» не перехватили, не предотвратили? Так, во-первых, потомки не всеведущи: информация на их «компьютерах» прежде всего касалась истории военной и технической. А про «ленинградское дело» было лишь упоминание, как товарищ Сталин заметил, «тридцать седьмой год местного значения», про ярмарку же не было ничего. Во-вторых, как верно было сказано, Кузнецов и примкнувшие к нему, сидя уже в Москве, в ЦК, на себя информацию замкнули, и многие тревожные сигналы перехватывали. А в-третьих, по всему Союзу подобное творилось, в свете денежной реформы сорок седьмого года, когда очень многие нечестно нажившиеся разом теряли всё – а среди них были не только спекулянты с рынков, но и ответственные товарищи или друзья-приятели таковых. В-четвертых, вот с чего потомки взяли, что в СССР

этого времени все было плано-директивно – рынок все равно наличествовал, слышала я, что когда товарищ Сталин прочел про «дело Павленко» (это когда проходимец собственную воинскую часть организовал, военно-строительную, и брал подряды на работы, оплачиваемые наличкой и щедро), то не поверил сначала, проверить велел, все подтвердилось – и полетели головы не только Павленко с компанией, но и товарищей на местах. А здесь, в свете того, что партия официально объявила, что индивидуальный труд эксплуататорским не является (то есть артели и кооперативы вполне процветают, и колхозы стали реально самостоятельны, а не тенью совхозов с таким же планом и директивами – ты лишь сдай осенью указанное количество продуктов по регламентируемой цене, а в прочем тебе полная свобода, никто не приказывает, когда и сколько тебе сеять и пахать), – с одной стороны, обеспеченность населения продовольствием и товарами заметно улучшилась, с другой, создалась почва для злоупотреблений, тогда и пришлось «финансовую полицию» создать, которая занималась не только соцсобственностью, но и претензиями частников друг к другу. Да и административная реформа, когда целый ряд союзных республик своего статуса лишился, перейдя в автономии – не только Карелия, но и Казахстан, и восточная половина Украины. И границы поменялись, как от тех же Украины и Казахстана вернули России области с подавляющей численностью русского населения, из трех Прибалтийских республик сделали одну, и тоже часть территорий передали России и Белоруссии. Все это в отдельных местах вызвало недовольство, в сорок девятом в Средней Азии чуть ли не новое басмачество могло начаться, причем ниточки за рубеж уходили. Аппаратных мер не хватило, Смоленцеву с его ухорезами пришлось поработать, причем сам Юрка едва там не погиб. Но это история отдельная и совершенно другая, и под грифом «совсекретно».

Так что – чистим авгиевы конюшни, по мере того как руки доходят. И ведь даже «ленинградское дело» здесь могло проскочить мимо внимания – если бы не замашки устроителей ярмарки, организовавших для приехавших «своих» гулянки с купеческим размахом (вошедшие в протоколы как «перерасход командировочных средств»). И превысило количество сигналов критическую массу, и завертелось колесо правосудия – попутно под каток попали и ленинградские бандиты с прочей шпаной (народ говорит, по улицам стало спокойно ходить в любое время суток), и культура с идеологией (а вот здесь еще предстояло разобраться и всерьез).

Здесь не было в сорок шестом закрытия журналов «Звезда» и «Ленинград». Хотя повозиться нам с ними пришлось – были сигналы, что убыточно держать два журнала, где достаточно одного – и вообще, отдельные личности вроде Зощенко

в них пропагандируют пошлость и мещанство. И ведь правильно товарищ Сталин заметил про этого писателя, что «вся война прошла, все народы обливались кровью, а он ни одной строки не дал. Пишет он чепуху какую-то, прямо издевательство. Война в разгаре, а у него ни одного слова ни за, ни против, а пишет всякие небылицы, чепуху, ничего не дающую ни уму, ни сердцу»[13 - Подлинные слова Сталина, на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), 1946 год.]. С биографией товарища Зощенко ознакомившись, считаю весьма вероятным, что он банально меланхолией с неврастением страдал и пытался разобраться – но зачем же на читателей это вываливать, да еще в военное время? Излияния страдающей и мятущейся души[14 - М. Зощенко. «Перед восходом солнца».] выглядят, уж простите, как показ содержимого ночного горшка, врачу для диагноза полезно, а публике зачем? Сидел в Алма-Ате, в эвакуации, избавленный от фронта, – ясно, что не каждому дано, «с лейкой и с блокнотом», по фронтовым дорогам, но ты хоть пиши такое, чтобы боевой дух народа повышалось, а не какой-то фрейдистский бред, совершенно не к месту! Хотя иные из товарищей писателей, жирующих в эвакуации, когда Ленинград умирал от голода – не только ни строчки не написали за нашу Победу, но еще и говорили, что «нужно ждать наших уступок в угоду нашим хозяевам (англо-американцам), наша судьба в их руках. Я рад, что начинается новая разумная эпоха. Они нас научат культуре...», или еще хлеще, «всею душой желаю гибели Гитлера и крушения его бредовых идей. С падением нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией. Будем ждать»[15 - Оба высказывания подлинные. Их автор будет назван ниже.].

Но в истории здесь Сталин не стал рубить сплеча, а поручил Пономаренко разобраться. Чем мы и занимаемся. Ведь не обязательно быть на передовой, чтобы помочь фронту, даже если у тебя в руках не автомат, а всего лишь перо – прочтите «Блокадные дневники» Лукницкого (здесь Сталинская премия – наверное, удивился Павел Николаевич скорости ее присуждения, сразу после публикации – не зная, что товарищ Сталин прочел его книгу прежде, чем она была написана, в этой ветви истории!). И это при том, что раньше Лукницкий входил в тот же «ахматовский» круг, был первым биографом Николая Гумилева. А Фадеев, написавший «Молодую гвардию», уже экранизованную?! Разве это много – требовать, чтобы писатель творил на пользу своей стране, своему народу, конкретному историческому моменту, а не ради «всемирной культуры»?

Хотя я слышала еще в университете, что из русских классиков лишь Гоголь всерьез был озабочен, какие мысли вызовет у читателей его произведение, нравственные или нет? Достоевский, Некрасов, Тургенев, Толстой – этого вопроса себе даже не задавали.

И вот «ленинградское дело». Когда попутно подмели, как оказалось, не только воров, но идеологически неудобных. Какие имена в списке – вот ей-богу, была бы на месте потомков, разрыдалась бы от умиления! Если бы не знала их реальных поступков и утверждений. Например, эта вот тварь, дочь известнейшего советского писателя, который ненавидел советскую власть тайно (это его слова приведены выше!), сама ненавидела её явно (естественно, в те времена, когда за это уже перестали расстреливать). И большую часть жизни посвятившая рассказам о том, какая эта власть ужасная и как страдала от неё творческая интеллигенция. Известнейшая в той истории диссидентка, лауреат международных премий «за гражданское мужество», приятельница Елены Боннэр, защищала Солженицына, Синявского, Даниэля. Вполне могла бы быть на месте Веры Пирожковой[16 - См. книгу «Страна мечты».], подрабатывающей в немецкой комендатуре исполнением смертных приговоров – если бы попала на временно оккупированную территорию, а не пересидела в Ташкенте.

А ее родной брат, сын того же великого писателя, всю войну пройдет дорогами военного корреспондента – Таллиннский переход Балтфлота, вся Блокада. Напишет отличный роман о летчиках-балтийцах (еще не вышел, но в издании «из будущего» Сталину и Пономаренко понравился, наложена резолюция: создать все условия, издать без задержки, экранизовать).

И какого... тут делает лицо из Особого списка?? Товарищи из ленинградского ГБ, вы что, белены объелись? Вам циркуляр известен, что любые следственные действия против указанных лиц, исключительно с санкции нас, «инквизиции»? Ну что вы тут мне суете – протокол, что он что-то где-то, даже не сказал, а промолчал? Ах, на родную мать не донес? Немедленно освободить – и принести извинения, я проверю! И обеспечить, чтобы по месту работы у указанного лица не было никаких проблем, из-за вашей дури!

Так как прямой связи данных лиц с основными фигурантами не вижу, приказываю выделить их дело в отдельное производство и передать в наше ведомство. И не надо держать их под арестом. Не те люди, чтобы сбежать или скрываться. Достаточно подписки о невыезде.

Юмор в том, что сведения о советских диссидентах мы взяли из компьютера одного типа, прикомандированного к экипажу «Воронежа», это сейчас он один из создателей нашего минно-торпедного оружия, кавалер и лауреат – а тогда

был активным «болотным белоленточником» (дурацкий символ!). И к тому, что он встал на путь истинный, я персонально руку приложила, обеспечив ему знакомство с Наташей, одной из своих «стервочек» – та самая, что в деле с фашистской шпионкой Пирожковой отличилась. Дело добровольное (с ее стороны), ну и вышел, совет да любовь, не одним же «Боннэр» наших советских людей с правильного пути сбивать, можно и наоборот?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

О том см. предыдущие книги цикла «Морской Волк». – Здесь и далее примеч. автора.

2

Реально: последние «арисаки», из числа 820 тыс. закупленных царским правительством, лежали на складах мобзапаса Прикарпатского ВО, затем армии самостийной Украины, до 1993 года.

3

Ост-Индская Компания всего за 15 лет после захвата Бенгалии только из нее вывезла ценностей на 1 миллиард фунтов стерлингов.

4

Денежная единица Китая, лян, был слитком серебра.

5

А. Несмелов. Стихи о Харбине.

6

Все вышенаписанное соответствует реальности.

7

В нашей истории 1959 год.

8

От 1 до 4 км.

В нашей истории найдены и крупные месторождения, но в гораздо более позднее время.

Аналог Варшавского нашей истории.

В нашей истории 1948 год, 118 процентов от 1940 года.

М. Шатров. «Синие кони на красной траве».

Подлинные слова Сталина, на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), 1946 год.

М. Зощенко. «Перед восходом солнца».

15

Оба высказывания подлинны. Их автор будет назван ниже.

16

См. книгу «Страна мечты».

Купить: https://tellnovel.com/ru/savin_vladislav/aleet-vostok

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)